

АЛЕКСАНДР ЦИПКО

РУССКАЯ АПАТИЯ

ИМЕЕТ ЛИ РОССИЯ БУДУЩЕЕ

Александр Ципко

**Русская апатия. Имеет
ли Россия будущее**

«Алгоритм»

2017

УДК 66.2
ББК 327(470+571)

Ципко А. С.

Русская апатия. Имеет ли Россия будущее / А. С. Ципко —
«Алгоритм», 2017

ISBN 978-5-906880-77-2

В своих последних статьях, собранных в этой книге, автор пытается понять, почему посткрымская Россия не хочет знать главную правду о большевизме, правду о том, что «возникновение на Западе фашизма стало возможно только благодаря русскому коммунизму, которого не было бы без Ленина» (Николай Бердяев). С точки зрения автора, главной причиной нашего русского нежелания расстаться с соблазнами и иллюзиями коммунизма, нежелания «жить не по лжи» (Александр Солженицын) является апатия души и мысли, рожденная испытаниями страшного русского XX века, жизнью на вечном надрыве, «затянув пояса», жизни, требующей бесконечных, часто бессмысленных жертв.

УДК 66.2
ББК 327(470+571)

ISBN 978-5-906880-77-2

© Ципко А. С., 2017
© Алгоритм, 2017

Содержание

Вместо введения	6
Книга I	22
Сталин, голодомор и дружба народов	22
Особенности украинской национальной идентификации и их влияние на внешнюю политику независимой Украины	26
Миф о «разделенном народе»	26
Исторические факты	29
Как оправдывают колхозы и сталинщину	34
Украинская доля	34
Что нас разделяет	35
Идеология абсурда	36
Дмытро Ярош и мистика российской истории	38
Конспект книги Сергея Щеголева «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма»	43
Книга II	50
И снова жажда лжи	50
О соблазнах постсоветского реванша	54
«Русская идея» с диагнозом «аутизм»	54
Идея «нэзалэжности» всегда была антирусской идеей	55
Всеразрушающая сила соблазнов русского реванша	59
Не может быть внешнего могущества без внутреннего	61
Идеалы и дела скопцов живы	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

А.С. Ципко

Русская апатия. Имеет ли Россия будущее

© Ципко А. С., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Вместо введения Исповедь пессимиста

Название этой книги родилось у меня только после того, как я заставил себя заново прочитать свои последние статьи, которые я решил собрать вместе в виде сборника. Я-то хотел прежде всего обратить внимание читателя на факты из нашей советской истории, которых упорно, на протяжении десятилетий сторонятся россияне. Сначала я хотел во главу книги поставить статьи, посвященные рассказу о родстве национал-социализма с большевизмом, о родстве Гитлера со Сталиным. Но если суммировать все то, с чем я как публицист борюсь в последнее время то получается, что, на мой взгляд, главная наша беда не в дефиците правды о большевизме, об его антинациональной, античеловеческой сущности, а в отсутствии запроса на нее, на правду о громадной человеческой цене, заплаченной народами России за достижения советской истории. Как сегодня становится ясно, сама по себе правда мертва, если не существует в ней потребность. У русского человека хватило духа самому расстаться с советской политической системой, но в условиях апатии и растерянности, рожденными «лихими девяностыми», у него уже просто нет сил освободить свою душу от советских «пустых идеалов». Сама по себе истина и правда, как становится ясно, не обладает ценностью для уставшего душой народа. Мечта русских философов в изгнании о нравственном перерождении русского человека, об очищении его души от скверны коммунистических соблазнов так и остается мечтой. Пока что, в силу нынешней духовной апатии, мы не в состоянии «жить не по лжи», к чему нас призывал еще в 70-х прошлого века Александр Солженицын. Как выясняется, настроения осажденной крепости, рожденной «русской весной» 2014 года только ослабляют и без того скукоженный запрос на правду. Но в то же время эти милитаристские настроения создают благодатную почву для замораживания и мысли, и совести. Драматизм нынешней ситуации состоит в том, что тем россиянам, которым все-таки нужна правда о своей истории, которые сохраняют способность видеть и мыслить, все меньше и меньше нужна сама Россия. Так называемый «креативный класс» после побед «бывших шахтеров и трактористов Донбасса», стал всерьез бояться опоздать на последний поезд, уходящий из «державной России» на «либеральный Запад». Тем более, что многие посткрымские патриоты, к примеру, Никита Михалков в своем «Бесогоне», открыто призывают Путина возродить советский железный занавес, без которого, с их точки зрения, невозможно спасти современную Россию.

Наша нынешняя власть не учитывает, что в России уже добрых двести лет образованные, творческие, способные люди всегда были западниками. Западниками на самом деле были и ранние, настоящие славянофилы. А потому нынешняя антизападная Россия, отрицающая ценность свободы и человеческой жизни, для них, думающих молодых людей, становится чужой страной. Россия, превратившая изоляцию от лидеров современной человеческой цивилизации в свою государственную политику, становится для них, талантливых и одаренных, чужой страной. Конечно, слава богу, не для всех, но для многих точно. Россия, которая не в состоянии защитить свое достоинство кроме как восстановлением своих баз на Кубе или во Вьетнаме, начинает пугать не только прозападную интеллигенцию, что естественно, но и даже наше уходящее поколение, которое помнит о Карибском кризисе 1961 года, об афганской авантюре, погубившей СССР.

Конечно, далеко не все, живущие «чемоданными настроениями», покинут Россию, тем более навсегда. Но сами эти настроения усиливают апатию и равнодушие у тех, кто не хочет и не имеет сил куда-то эмигрировать, что-то менять в своей судьбе. И очень часто осозна-

ние своего бессилия и беспомощности, вместе с ростом традиционных русских настроений жертвы, ведет к агрессии, к нетерпимости, к поиску врагов.

Парадокс состоит в том, что взрыв патриотических чувств, вызванный у подавляющей части населения присоединением Крыма к России, не привел не только к росту гражданской активности, энергии созидания, но и не укрепил у русских веру в будущее своей страны. И получается, что апатия, «безумное русское молчание», которое пугало книжников начала XVII века, времен смуты, может быть реакцией не только на хаос, разорение всего и вся, жестокость власти, но и реакцией на победы своей страны. Все это свидетельствует о поразительной усталости русской нации в целом. «Пофигизмом», на который обращает внимание в своих статьях социолог Леонтий Бызов, на мой взгляд, один из самых честных социологов постсоветской России, растет изо дня на день. Эта усталость проявляется в тотальной апатии, в понижении психической активности, в лени не только души, но и ума, в нежелании соединить в сознании тяготы и неудобства нового русского кризиса с «победами бывших шахтеров и трактористов Донбасса», в стремлении отгородиться от всего, что выходит за границы забот сегодняшнего дня, забот семьи. Но если мало кого сейчас в России интересует и малая и большая политика, то еще меньше простого человека, погрузившегося всем своим умом в заботы о выживании, интересуется правда о Сталине, о русской катастрофе 1917 года. В этих условиях, когда душа у многих скукожена, невозможна какая-либо моральная реакция на преступления большевиков, Сталина. На самом деле от традиционной русскости, описанной и русскими писателями, и русскими философами, осталось только то, что было порождено «наследством Чингисхана», порождено традиционным деспотизмом и всевластиями наших царей, Генеральных царей. Речь идет о покорности, долготерпении, патернализме, отчуждении умом и сердцем от власти вообще. Нет на самом деле уже желания что-то изменить в своей судьбе. Есть желание только сохранить то, что есть, сохранить как можно дольше. Отсюда и феноменальный политический успех Владимира Путина. И чем выше популярность Путина с его нынешним, уже абсолютным всевластием, тем возможность создать гражданское общество, возродить все-таки существовавшую в начале девяностых гражданскую активность внизу, в провинции.

Но одновременно исчезает на глазах традиционный русский мессианизм, желание прыгнуть в другой мир, заглянуть в будущее, который так умело эксплуатировали большевики. И это очень хорошо чувствуют те представители нашей интеллигенции, которые напрямую соприкасаются с теми, кто потерял надежду на лучшую жизнь, что-то изменил в своей судьбе, занимается благотворительностью. В июле этого года в Саух, в Швейцарии, на конференции, посвященной диалогу России и Запада, руководитель благотворительного фонда «Предание», сотрудничающего с РПЦ, Владимир Берхин открывал собравшимся в том числе и мне, подлинную правду о современной массовой, типичной русскости. Оказывается, люди, с которыми он общается, кому помогает вместе с РПЦ их фонд, не просто живут только сегодняшним днем, отгородились от будущего, но вообще утратили способность описывать мир в каких-либо абстрактных понятиях. «Мы должны учитывать, обратился к своим коллегам, руководителям благотворительных организаций Запада Владимир Берхин, что русская нация в последние 100 лет живет в состоянии непрекращающегося стресса: мировые войны, революции, репрессии, жестокий бедный недружелюбный советский мир, его болезненное крушение, и снова войны, и снова потери и снова страх. И все это отнюдь не способствует доверию русского человека к абстрактным понятиям». К тому же, продолжал Берхин, «каждая новая беда в России происходит под новые красивые слова и абстрактную концепцию, как в кино: красные приходят – бьют, белые придут – бьют, рыночники пришли – били, а теперь патриоты пришли – тоже бьют, и так далее». Я так обстоятельно процитировал размышления Берхина, ибо они подтверждают мои предположения о причинах русских неудач в строительстве демократического, нетоталитарного общества. Не

может нация, большинство которой всегда, не только за последние 100 лет, составляют бедные, нуждающиеся люди, не только создать Магдебургское право, но и жить в соответствие с ним, с законами нормального гражданского общества. Рожденная бедностью зависть, злоба, отчаяние, агрессия, нетерпение могут породить только бунт. А в перерыве между бунтами, как у нас было, бедности сопутствует покорность, апатия, вера в чудо, надежда на случай, халяву, и всевластие руководителей нашей страны. Мы до сих пор не можем понять, что в результате так и не преодоленной бедности не может зародиться сознание ценности человеческой жизни. Бедный не ценит не только чужую, но и свою жизнь. Рационализм, реализм, чувство меры, способность слушать другого человека, считаться с его мнением – эти качества, на которых держится демократия, как полноценная жизнь не совместима с психологией русского человека, который веками мучается неустроенностью быта.

Так что было бы несправедливо утверждать, что неуверенность в будущем, которая выталкивает сегодня молодежь из России, появилась только после «крымской весны». Длинных русских денег, то есть русских инвестиций на 10–20 лет не было и в благополучные нулевые. Понятно, и это было предсказуемо, что после того, как мы начали исправлять «исторические ошибки Хрущева», никто вкладывать деньги в Россию не будет. А, может быть, завтра Путин захочет присоединить к России часть русской Сибирь вместе с Карагандой, которую тот же Хрущев отдал Казахстану в те же годы, в середине 1950-х. Не забывают, русская Нарва, в которой до сих пор проживает 90 %, как теперь принято говорить, наших соотечественников и которая после революции 1991 года стала частью независимой Эстонии, куда глубже погружена в русскую историю, чем на самом деле татарский еще с середины XIII века Крым. И слава богу, что русские Нарвы не хотят вернуться в Россию, ибо там пенсии не были такими тощими, как в украинском Крыме. Но на самом деле и не исправленных ошибок Хрущева осталось много и сакральных для русского человека мест на постсоветском пространстве осталось много. Отсюда и страхи не только прибалтов, но и казахов, отсюда и болезненный страх Запада перед «непредсказуемым Путиным». Но понятно, что непредсказуемость внешней политики еще больше пугает потенциальных инвесторов. Тем более, когда судьбу страны определяет воля всего одного человека.

«Есть ли будущее у России? Почему вы считаете, что у России есть будущее?» – эти вопросы задавали мне довольно часто и во второй половине нулевых, когда я ездил по стране и читал лекции об истории русского патриотизма для идеологического актива «наших». А теперь мне из-за моей телевизионной популярности нет прохода даже на улице. С одной стороны, у людей радость в глазах, а, с другой стороны, растерянность и вечный вопрос: «Когда кончится кризис? Что будет с нами?»

«Не надо так эмоционально реагировать, расстраиваться по поводу нездоровых явлений в посткрымской России. Обуздайте несвойственный вам пессимизм», – советовал мне во время конференции в Саух настоятель одной из православных церквей в Италии, потомок первой «белой» эмиграции отец Владимир (Владимир Зелинский). Конечно, мое самолюбие грело, что, как выясняется, отец Владимир, как и многие священнослужители Зарубежной русской православной церкви, уже давно проявляют интерес к моей антикоммунистической публицистике. Уже в начале 1990-х, когда я начал выезжать на Запад, эмигранты говорили мне, что я целюсь в коммунизм, в отличие от других «не для того, чтобы убить Россию». Правда, это были представители НТС, и прежде всего Владимир Поревский, который присутствовал на многих моих выступлениях в Италии, во Франции, в Германии. Но сейчас, учитывая, что Владимир Зелинский пытался противопоставить моему пессимизму свой оптимизм публично, я был вынужден серьезно поспорить с ним. Правда, уже не в зале заседаний, а за скромным протестантским вегетарианским ланчем, которым нас одарили хозяева Саух, 90-летние антифашисты, которые здесь же, в этом замке, в 1947 году помогали организовать примирение между де Голлем и Конрадом Аденауэром. Я обратил внимание отца

Зелинского, что в его оптимизме, основанном, как он говорил, на том, что в России все равно все меняется, что на место самодержца и крепостника Николая I приходит освободитель Александр II, как раз и коренится мой пессимизм. В том-то и беда, что после перестройки, после демократических реформ начала 1990-х мы двинулись не вперед, к современному гражданскому обществу, без которого невозможно развиваться в условиях глобальной цивилизации, в условиях глобальной конкуренции, а назад, к традициям русского самодержавия. Конечно очень хорошо, что самодержец Путин, от воли которого зависит наша судьба, все-таки не Сталин, что бы там ни говорили, при Путине сохранились основные демократические завоевания последних 25-ти лет. Конечно, возвращаясь к дореволюционному самодержавию, мы в каком-то смысле движемся вперед по сравнению с советской системой. Не забывайте, русское самодержавие накануне 1917 года было в десятки раз демократичнее, чем самодержавие большевиков, особенно самодержавие Сталина. Я объяснял отцу Владимиру, с нами за столом был и отец Димитрий (Михаил Першин), один из руководителей миссионерского отдела Русской православной церкви, что пугает не столько само по себе самодержавие Путина, сколько то, что оно на самом деле было и является запросом снизу, запросом подавляющей части населения России. Для многих до сих пор настоящая власть – это самодержавная власть, когда решения принимает «хозяин» и только «хозяин». Меня пугает, объяснял я отцу Владимиру, что на самом деле в России как не было, так и нет предпосылки для создания гражданского общества, демократии. В России нет у людей желания брать ответственность за свою судьбу, желания думать, рисковать, искать какие-то свои новые решения. Демократия, свободные выборы и т. д. на самом деле подавляющему большинству людей не нужны. Как это ни странно, но многие не хотят в России, чтобы власть их о чем-то спрашивала. Так что даже если после Путина придет более вольнолюбивый самодержец, то ничего в нашей русской судьбе не изменится.

И здесь, общаясь со священнослужителями, которые обладают способностью придать любой нашей русской проблеме всечеловеческий характер, я неожиданно для себя осознал и вселенский смысл нашего возродившегося самодержавия. Больно осознавать, что мы какие-то не такие. В отличие от бывших социалистических стран Восточной Европы мы так и не сумели освободиться от авторитарной власти, создать конституционную систему сдержек и противовесов нашим русским традициям самодержавия, хотя бы раз после гибели коммунизма провести подлинные, альтернативные выборы главы государства. Только мы и румыны шли к посткоммунистической конституции через кровь, расстрел парламента из танков. На самом деле наша демократическая революция 1991 года просто выродилась. Мы, русские, не можем даже то, что умеют многие народы Африки, создать Конституцию, которая предусматривает разделение властей, демократическую смену власти. Наше не выборное, а назначенное самодержавие сделало всех нас, многомиллионный российский народ, заложником состояния ума, души, а иногда просто настроений всего одного человека, а именно Владимира Путина. И нет сегодня политики политиков в России, ибо нет сегодня ни одного представителя власти, кто бы рискнул не то, что критиковать Путина, а просто с ним поспорить.

И, таким образом, на самом деле, что мучает меня сегодня. Гарантии сохранения России нет ни сверху, ни снизу. Может быть, о чем я не думал раньше, может быть потому и нет драйва внизу, что решение одного человека наверху может в одну секунду убить труд, старания миллионов людей внизу. Но факт остается фактом. У нас нет серьезного массового желания людей лучше работать, совершенствовать себя, совершенствовать свою жизнь, делать более привлекательной для других нашу Россию. Мы так и не научились связывать свое национальное достоинство с нашими успехами, с благоустроенной жизнью, со счастьем как можно большего количества людей. И, к моей радости, отец Димитрий (он почти ровесник моего сына) поддержал мои страхи и опасения, связанные с состоянием духа современной России. Он даже в своем публичном выступлении обращал внимание, что современная Рос-

сия является «самой демократичной страной Европы» потому, что разрешает делать аборты, в отличие от стран Европы, на большом сроке беременности. Когда я слушал рассказ отца Дмитрия о причинах нашего «чемпионства» в Европе по количеству абортов на 10 тысяч населения, то я осознал, что все это от нашей старой русской болезни, от нашего неумения или нежелания ценить человеческую жизнь. В конце концов, в католической Польше вообще запрещают аборты. Наши, особенно молодые, матери относятся к своему будущему ребенку точно так, как многие относятся к приплоду котят от своей кошки: приходится топить этих котят, если они никому не нужны.

Я не случайно обращаю внимание на свое запоздалое открытие, на мой взгляд, на уникальную личность – отца Дмитрия, на его миссионерскую деятельность и мысли. Мне было, естественно, приятно слышать, что он, как и я, видит нечто общее между равнодушным отношением матерей к своим детям, которых они убивают во время аборта, и нашим поразительным русским равнодушием к мукам и страданиям жертв сталинизма. Христианское человеколюбие, как показывает пример отца Дмитрия, неизбежно должно вести и к отторжению от преступлений большевиков, Сталина. Как оказывается, что было для меня неожиданным, и публицистика отца Дмитрия посвящена критике преступлений Сталина, его трагических для России ошибок накануне 1941 года. Патриотизм отца Дмитрия отличается от патриотизма неосталинистов прежде всего своим почитанием человеческой жизни. И я думаю, что не случайно участник антифашистского движения в Норвегии, ветеран Саух Енс Веллингтон, пригласил сюда из России именно нас троих, непримиримых антисталинистов. Я забыл сказать, что отец Владимир является автором целого ряда статей, опубликованных в «Новой газете», в которых рассказывается о садистских наклонностях «отца народов», о том, как они проявлялись на его жизненном пути. Антифашизм и антибольшевизм, антисталинизм в христианском сознании Запада, кстати, в отличие от левого сознания Запада, тесно связаны. И это объясняется тем, что я пытаюсь показать в своих статьях о родстве большевизма и национал-социализма, представленных в этой книге, что и Ленин, и Сталин, и Гитлер были не просто атеисты, но враги христианской морали, заповеди Христа «Не убий». И совсем не случайно среди тех, кто сегодня заявляет, что Россия не Запад, очень много апологетов «красного проекта», апологетов революционного насилия, большевистского человеконенавистничества.

Уже после наших бесед в Саух отец Дмитрий прислал мне свои публикации, где он на основе мемуаров Ильи Старина, командира наших диверсионных групп, работавших на оккупированных территориях во время войны 1941–1945 годов, показывает исходную порочность сталинской политики выжженной земли, которая не столько сдерживала продвижение немцев к Москве, сколько лишала крыши и хлеба тысячи и тысячи советских людей. Отец Дмитрий напоминает о том, о чем писал Некрич в своей книге «22 июня 1941 года», которой мы, студенты философского факультета МГУ, зачитывались то ли в 1967, то ли в 1968 году, о том, что Сталин, уже когда началась война, в октябре 1941 – начале 1942 года, истреблял десятки офицеров высшего звена, уровня Рокоссовского. «Герои Советского Союза, прошедшие Испанию, – пишет отец Дмитрий, – могли бы принести большую пользу стране и армии в эти драматические дни начала войны».

Зачем я вспомнил о своих беседах с отцом Владимиром и отцом Дмитрием в Саух? Мне думается, что этот антисталинский патриотизм, основанный на христианской морали, который объединяет нас и который при всей нашей любви к России заставляет нас видеть ее пороки и слабости, коренным образом отличается от посткрымского патриотизма, который заполонил сегодня наши средства массовой информации. И я не понимаю, почему наш патриотизм является менее русским, менее национальным, чем, к примеру, патриотизм Владимира Куликова, патриотизм с пеной на губах, который призывает нас вернуться к лагерной, военной, мобилизационной экономике времен Сталина. Ведь настоящий патриотизм,

антибольшевистский патриотизм Петра Струве, Николая Бердяева, Ивана Ильина, патриотизм лучших сынов России сочетал в себе любовь к стране с непримиримым отношением к слабостям русской души, с умением извлекать уроки из нашей совсем непростой истории. И причина тому очень простая, потому что в основе антикоммунистического патриотизма основателей русской религиозной философии начала XX века, в основании патриотизма Ивана Ильина лежал выросший из христианства гуманизм, лежало человеколюбие, заставляющее осуждать все то, что мучило русского человека, оскорбляло его достоинство, лишало его права на нормальную человеческую жизнь. А наш нынешний, посткрымский патриотизм воспринимает любую критику очевидных ошибок и просчетов власти как предательство, ибо ему абсолютно, на самом деле, безразлична жизнь простых людей. Нынешним певцам «русской весны» нет никакого дела, чем обернется для нашего и без того тощего русского здравоохранения, деградирующего русского просвещения победа «бывших шахтеров и трактористов Донбасса». Этим патриотов абсолютно не волнует, что победы «русской весны» в конце концов оборачиваются снижением продолжительности и без того недолгой русской жизни.

И еще одна особенность этого посткрымского патриотизма, который меня не только настораживает, но и иногда больно задевает. Речь идет о том, чего никогда не было в России, речь идет об этнизации патриотических чувств. Если у тебя русская фамилия, оканчивающаяся на – ов или на – ин, то ты настоящий патриот, а если у тебя фамилия на – ко, да к тому же ты не идешь в ногу с «линией партии», то ты не можешь быть настоящим патриотом. Даже политкорректный Слава Никонов публично, на людях, особенно среди именитых гостей перед передачей Владимира Соловьева, чтобы дистанцироваться от Ципко как критика «русской весны», любит как-то невзначай сказать, дословно: «Что с тебя, Саша, взять. Ты же не русский, а поляк». Да, мать моей матери, как о ней вспоминал дед Ципко, «пани Домбровская», родилась и жила до брака на Польской улице в Одессе. Скорее всего ее брат или родственник, Анджей Домбровский, был руководителем польской общины, которого, как рассказывает в «Окаянных днях» Иван Бунин, расстреляли красные в 1918 году. Но какое отношение польскость моей бабушки имеет к моему мировоззрению, к моим чувствам? По логике Славы Никонова, из русской истории надо вычеркнуть и Антона Деникина, у которого не бабушка, а мать была полькой, и Колчака с его польской фамилией (что Колчак, что Собчак – одно и то же), и многих представителей русской истории. Этнизация русскости – это полный бред!. Но самое главное, отец моего отца, дедушка Леонид очень бы расстроился, если бы узнал, что его внука Александра обвиняют в недостаточной русскости. Сам он, несмотря на то, что был рожден от латыша-лютеранина Дзегузе, начальника почтово-телеграфной станции Лиды, очень гордился предками своей бабушки по материнской линии, которая была внучкой генерал-адъютанта Андриана Карповича Денисова, соратника побед Александра Суворова, и которая умерла у своего внука, моего дедушки Леонида, тогда работника ЧК, на квартире в Киеве в возрасте 104-х лет в 1924 году. Дед Леонид, у которого я обычно жил летом на Нежинской улице в Одессе, когда его вторая жена уезжала к родственникам, любил мне рассказывать, как Андриан Денисов, тогда еще молодой донской казак-сотник спас под Измаилом Суворова от турецкого плена. И при этом много раз демонстрировал шкатулку адъютанта Суворова из все еще красного дерева, где хранились гусиные перья. Конечно и дед Леонид Дзегузе не рассказывал всю правду о своих знаменитых предках, ведь фамилия его матери, как я узнал из его личного дела (под номером 521), с которым мне разрешил ознакомиться президент Кучма в 1997 году, была Цецура. Статский советник Виленской губернии Павел Цецура был его дедушкой. Мой сводный брат Игорь нашел в Опочке под Псковом остатки имения Цецур, и теперь я понял, почему тетка моего дедушки, девичья фамилия которой тоже Цецура, прежде чем приезжать из Лондона в СССР к своему племяннику в Одессу, всегда навещала Опочку, где она, оказывается, вместе с моей прабабушкой

провела все детство. И она мне рассказывала то, о чем мне не рассказывал дед, что он, дед Леонид, в конце концов стал революционером из-за того, что дед Павел Цецура лишил свою дочь, мать деда Леонида, дворянства из-за брака с лютеранином. Я очень благодарен сестре моей прабабушки Анне Малевич (в девичестве Цецуре), что, приезжая в 1956–1957 году в Одессу, в свои 85 лет она уделяла мне, мальчику, много времени и рассказывала об истории нашей семьи. Благодаря этим рассказам она меня погрузила еще тогда в русскую историю, и поэтому, честно говоря, когда я разговариваю с этими нынешними новыми патриотами, я всегда чувствую какое-то непонятное превосходство перед ними. Это, конечно, плохо, но я бы советовал всем разоблачителям антирусскости Ципко замолчать. В отличие от них моя русскость погружена в историю столетий. И вообще я думаю, что очень опасно в современной многонациональной России, чья элита всегда была многонациональной, сводить патриотизм к количеству русской крови. И мне думается, а это уже серьезно, что этнизация патриотизма, все эти разговоры о количестве русской крови тоже являются свидетельством духовного вырождения современной России. Я, честно говоря, тоже очень хотел, чтобы Россию в конце концов доверили коренным русским, чтобы они сами несли ответственность за судьбу страны и не искали виновных в наших бедах среди «инородцев и масонов». Но мне думается, что при всем этом крайне опасно связывать патриотизм, любовь к России с качеством крови.

И уж совсем меня удивляет, когда у нас ретивые патриоты причисляют меня к «пятой колонне», называют «агентом ЦРУ». Кстати, как я знаю из личного опыта, американцы приглашает к сотрудничеству только русских с мозгами, наделенных аналитическими способностями. И искренне удивляется, что русские люди, умеющие думать, могут быть патриотами и отказываются от их соблазнительных предложений. Но при всем этом американцы, и это делает им честь, намного больше уважают русских, которые отказываются от их соблазнительных предложений, чем тех, о которых рассказывал Коржаков в своих воспоминаниях. Но видит бог, нынешние ура-патриоты с пеной на губах могут спать спокойно. Никто им никаких соблазнительных предложений делать не будет. Они могут с утра до вечера рассказывать с экранов телевидения о растущей любви народа к Путину. Осмелюсь сказать, что, наверное, главная наша беда состоит в том, что сейчас политическая и идеологическая инициатива в России перешла к людям, которые не блещут, прямо скажем, умом и способностями.

И самое главное, чего не понимают наши нынешние борцы с «пятой колонной». Сам тот факт, что публицист, эксперт чувствует приближающуюся для его страны беду, видит угрозы ее существованию, подводные камни, о которые она может разбиться, совсем не значит, что он сам желает гибели своей стране. Я, как помнит старшее поколение, первым или одним из первых выступил в прессе против, как я тогда писал, «безумной идеи суверенитета РСФСР», которая неизбежно должна была привести к смерти русского мира, распаду славянского ядра СССР, к созданию незалэжной Украины и превращения белорусов снова в «литвинов»¹. Но я одновременно страшно не хотел, чтобы моя родная Одесса перестала быть русским городом и отчаянно и на телевидении и на радио боролся с идеологами суверенизации РСФСР.

Кстати, уже с тех пор, с конца 1980-х – начала 1990-х пробуждающийся от долгого советского сна русский патриотизм был отмечен не только червоточиной опасного для России этнического похода, и садомазохистскими настроениями. Не забывают, идею суверенитета РСФСР выдвинули литераторы-почвенники Балашов и Костров. Суверенитет русских от своей, своими руками созданной России? Такого, наверное, в истории человечества еще не было. А сегодня патриоты-суверенички расширяют изоляцию России от остальных. В

---

¹ См.: Ципко А. Русские уходят из России // Известия, 26.05.1990.

начале 1990-х патриоты-суверенщики настаивали на изоляции России от славян, украинцев и белорусов, а теперь (вместо суверенщиков появились идеологи особой русской цивилизации) наши патриоты настаивают уже на полной изоляции России от всего мира, и прежде всего от Запада. Вот такая история.

Но тогда, в 1991 году, я был очень удивлен, что и Анатолий Собчак, и Гавриил Попов, которые, как умные люди, отдавали себе отчет о негативных последствиях суверенитета РСФСР, были все же противниками распада СССР, но тем не менее призывали россиян накануне 12 июня, дня выбора президента РСФСР, голосовать за Ельцина как сторонника полной и окончательной суверенизации РСФСР. Сегодня все наши силовики – безумные патриоты. Но ведь никто из тех, кто сегодня при власти, не выступил против Беловежских соглашений. Молчали в эти дни даже адмиралы Черноморского флота, который терял свою родную гавань. Многие нынешние военачальники стали генералами именно благодаря национальному предательству сторонников суверенизации РСФСР, благодаря тому, что они были вместе с Ельциным.

Сегодня меня обвиняют в предательстве те известные стране еще со времен перестройки люди, которые всячески желали вместе с Ельциным, в чем я их тогда обвинял, «обменять Крым на Кремль», чтобы освободиться от советской элиты и занять ее кабинеты. Тогда, в 1990 и в 1991 годах меня обвиняли в том, что я «в силу своей украинской фамилии не хочу счастья русскому народу», что я не хочу согласиться с сыном Елены Боннэр Игорем Шабаром, который тогда с утра до вечера на новом, демократическом Первом телеканале убеждал русский народ, что на самом деле Горбачевский «центр – это дырка от бублика». Тогда я был «враг русского народа», потому что боролся за целостность СССР, по крайней мере за целостность его славянского центра, боролся с безумными идеями «кружка Сахарова», с безумием идеи суверенитета РСФСР.

Теперь я снова стал «врагом русского народа» или, еще хуже, «предателем», потому что пытаюсь показать тем людям, которые заняли кремлевские кабинеты благодаря агитаторским способностям Игоря Шабара, что на самом деле реванш, исправление преступных ошибок 1990–1991 годов, исправление при помощи армии «ошибки Хрущева» вместо укрепления «русского мира» может его окончательно разрушить. Отношения между русскими и украинцами, по крайней мере сейчас, все больше и больше напоминают отношения сербов и хорватов. Лукашенко и Назарбаев уже недвусмысленно дают понять Путину, что они тоже готовы с оружием в руках защищать свою «суверенность» от России.

Так что не надо криков по поводу тех, кто, как я, видит крайне негативные последствия политики «исправления ошибок Хрущева» для будущего страны. Назад, конечно, дороги нет. Но надо хотя бы осознать, что нас на самом деле ждет и как хоть в какой-то мере нейтрализовать негативные последствия бунта «русского медведя».

Все дело в том, о чем я уже сказал выше, что мой патриотизм существенно отличается от нынешнего посткрымского патриотизма. Для меня патриотизм – это прежде всего способность распознавать угрозы жизни, будущему моей страны, для меня патриотизм – это жить по совести, ощущать сердцем боли своей страны. Именно потому, что я люблю Россию, мне больно видеть, как мы сами, собственными руками с весны 2014 года засыпаем источники ее полноводной жизни камнями. Конечно, Россия в той или иной форме, в тех или иных границах всегда будет существовать. Но появится ли когда-нибудь Россия, которая заботится, дает полноценное человеческое счастье своим гражданам? Вот вопрос, который сейчас мучает меня.

Для меня как бывшего советского интеллигента патриотизм означает способность называть вещи своими именами, «жить не по лжи», как призывал нас Александр Иванович Солженицын. По этой причине украинцы при всем своем анархизме уже имеют опыт демократической смены власти, а русские, великороссы уже четверть века движутся от одного

государственного переворота к другому. Мы воспроизвели снова царскую единоличную власть, сталинскую модель власти, а они, украинцы, худо-бедно, не без помощи майданов, уже несколько раз провели настоящие альтернативные выборы главы государства. И самое главное, мы никак не можем согласиться с правдой, что все же и царская Россия и особенно СССР никогда не были результатом добровольного объединения народов, что фактор силы играл все же решающую роль в создании исторической России, при всех особенностях Российской империи, где государственно образующий народ не имел никаких особых привилегий, обычно жил хуже всех. В своих статьях, посвященных украинской проблеме, собранных в этой книге, я пытался уже добрых двадцать лет обратить внимание общественности на то, что идея «нэзалэжности» всегда означала независимость именно от России, и что она родилась не в Западной Украине, а в самой что ни на есть Центральной, крестьянской Украине. Мне повезло. Я прочитал еще в начале 1990-х полемику между Н.С. Трубецким и Д.И. Дорошенко по поводу различий между великорусской и малорусской нациями. Я знал, что ценность свободы для наследников Запорожской сечи всегда были выше, чем для наследников империи Чингисхана. Знал в том числе и благодаря книге Сергея Щеголева «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма», цензора Российской империи, который видел в «малороссийском сепаратизме» основную опасность для будущей Российской империи, обращал внимание, что самыми активными носителями идеи «нэзалэжности» от России всегда были студенты Киевского университета. Они в 1911 году требовали украинизации не только своего, но и Одесского, Херсонского университетов, они сотнями погибали, встречая с оружием в руках Красную армию, которая входила в Киев в 1918 году, и они, студенты Киевского университета, что уже было неизбежно, восприняли как оскорбление их национального достоинства отказ Януковича подписать соглашение об ассоциации из родины с Европой. Я включил в книгу свой конспект книги Сергея Щеголева.

Но вряд ли когда-нибудь нынешние разработчики внешней политики заставят себя что-то знать о реальной истории российско-украинских отношений. Сергей Щеголев как русский патриот был непримиримым противником украинского сепаратизма. Но он, в отличие от нынешних «патриотов», не боялся правды о реальной истории русско-украинских отношений. В современной России стало преступным, по крайней мере нежелательным то знание, которое не согласуется с иллюзиями и мифами нашего нового русского царя.

По сути, подавляющая часть моих последних статей, представленных в этом сборнике, посвященных критике советских мифов, которыми мы продолжаем жить и из-за которых, на мой взгляд, мы делаем стратегические ошибки во внешней политике, из-за которых не в состоянии довести до конца антикоммунистическую очистительную духовную революцию, которую мы сами начали во время перестройки. Мы до сих пор не хотим знать, что я надеюсь доказать в этой своей книге, что ничего «святого» и гуманистического в идеалах марксизма не было, что великороссы и малороссы (украинцы) не «разделенная нация», как настаивает Владимир Путин, а всего лишь родственные народы, с различной многовековой историей, с различной национальной идентификацией и даже с различным культурным кодом.

Видит бог, только человек, лишенный разума и совести, не может не видеть очевидное, что праздник «русской весны» обернулся окончательной гибелью «русского мира», который начался в 1991 году, что после присоединения Крыма к России и побед «бывших шахтеров и трактористов» в Донбассе основой «украинскости» стали окончательно и скорее всего бесповоротно антироссийские настроения. Только человек, лишенный разума, не может не видеть, что Белоруссия Лукашенко тихой сапой движется в том же украинском, антирусском направлении, что после того, как мы начали исправлять «исторические ошибки Хрущева», уже практически нет шансов проводить интеграцию русского постсоветского пространства на добровольной основе. Неужели не видно, что создавая своими собственными руками коалицию государств, враждебных России, ставших послушными вассалами США, мы подрыв-

ваем основы нашей военной, национальной безопасности. Неужели не видно, что произошедшее после присоединения Крыма к России сближение Польши и Украины, сближение на антирусской основе, создание почти что стомиллионного польско-украинского блока у своих границ крайне опасно для нас с военно-стратегической точки зрения.

Неужели разработчикам нашей внешней политики не было ясно, что принуждение Путиным Януковича к неподписанию в Вильнюсе договора об ассоциации экономики Украины с ЕС будет восприниматься и украинской интеллигенцией, и, самое главное, новой, молодой Украиной как оскорбление национального достоинства и неизбежно приведет ко второму Майдану со всеми вытекающими последствиями. Только политики, потерявшие чувство реальности, могли думать, что четверть века после распада СССР украинцы и русские все еще «лишь разделенная случайно нация», как продолжает говорить наш президент. Неужели руководителям нашей пропаганды не было ясно, что выпуская осенью 2013 года Александра Проханова на экран с его откровенно провокационными заявлениями по поводу Украины и ее территориальной целостности, мы провоцируем уже у всех украинцев, вообще жителей Украины, включая миллионы русских, не столько страх, сколько чувство оскорбленного национального достоинства.

Патриотизм с закрытыми глазами, т. е. наш нынешний патриотизм, имеет много сходства с тем «казенным патриотизмом», который разоблачал Лев Николаевич Толстой. Как он, Толстой, говорил, этот патриотизм выгоден власти, ибо избавляет ее от необходимости объясняться с народом по поводу своих просчетов и ошибок, позволяет ей превратить свой народ в средство достижения своих откровенных авантур. И что не менее важно, говорил тот же Лев Толстой, победный «казенный патриотизм» открывает дорогу во власть откровенным циникам и негодям, которые, как мы видим сегодня, готовы с пеной на губах отстаивать и защищать самые безумные идеи, к примеру, идею реставрации в России мобилизационной, военной экономики.

Видит бог. И в СССР во внешней политике делали ошибки. Чего стоит авантюра с Афганистаном, которая во многом тоже способствовала распаду страны. Но поразительно, что в советское время на партсобрании в моем ИЭМСС АН СССР наши ветераны войны Владимир Шеститко, Вячеслав Дашичев находили в себе мужество вслух говорить о неизбежных, крайне негативных последствиях ввода войск в Афганистан. А сейчас, когда на самом деле интеллигентные люди мало чем рискуют, когда за критику «линии Путина» все-таки не сажают, не выгоняют с работы с «волчьим билетом», только несколько человек решилось поставить под сомнение целесообразность запоздалого «исправления ошибок Хрущева».

Как сотрудник бывшего ИЭМСС АН СССР, писавший записки в ЦК КПСС, а потом, на протяжении почти четырех лет – сотрудник группы консультантов ЦК КПСС, исполнявший с сентября 1988 года обязанности помощника Александра Яковлева, могу сказать, что в погибшем СССР мысль, здравый смысл, мозги ценились куда больше, чем сейчас. На «любви» к Генеральному секретарю в СССР нельзя было сделать карьеру. Охранник Брежнева до конца жизни так и оставался охранником. А сейчас на вершину общественной жизни выходят прежде всего те, кто призывает русский народ отказаться от сытости нулевых, от чая с медом, и во имя «побед Путина» снова с честью пройти через те испытания, через которые прошли жители блокадного Ленинграда. Для того, чтобы сделать сегодня карьеру, надо не только умело играть роль дурака, который ничего не видит, ничего не знает, но и быть откровенным циником.

И откуда у меня может появиться оптимизм и вера в счастливое будущее России? Ни один из представителей экономического блока в правительстве, состоящего целиком из выходцев из команды Гайдара, не рискнет сказать, что пора нашу внешнюю политику привязать к реалиям углубляющегося экономического кризиса. Об этом говорит только Алексей Кудрин. Но, наверное, потому, что является лишь штатным «советником» Путина. Самое

поразительное, что и у меня появилась ностальгия по СССР. Ностальгия о той жажде к правде, в том числе и правде о страшной человеческой цене сталинских побед, которая была характерна для нас, советской интеллигенции. Глубоко убежден в способности к состраданию жертвам сталинских репрессий, в глубинном интересе к творчеству запрещенных в СССР русских философов, в неиссякаемом интересе к запрещенной правде о гражданской войне, вообще по накалу мысли советская Россия и 1960-х, и 1970-х, и первой половины 1980-х стояла выше, чем нынешняя, якобы свободная Россия, где обещают тюрьму за слова об очевидном, о родстве политической системы Гитлера с политической системой Сталина. Именно инициатива ЛДПР наказывать тюрьмой за разговоры о родстве большевизма и национал-социализма заставила меня сесть за тексты Муссолини и Гитлера и показать в своих статьях, представленных в этом сборнике, что революционизм Карла Маркса породил не только революционизм Ленина и Сталина, но и революционизм Гитлера. Поразительно, но в России до сих пор инстинктивно сторонятся этой очевидной правды о родстве национал-социализма с большевизмом. Вчера на ночь читал статьи из «Русской идеи» Николая Бердяева и снова наткнулся на то, что он повторяет как мантру: «Возникновение на Западе фашизма... стало возможно только благодаря русскому коммунизму, которого не было без Ленина»². А у нас даже сегодня власть в лице господина Нарышкина, руководителя нашего Исторического общества, настаивает на том, что ленинский Октябрь был все-таки «великим». Чем великим, господа? Тем, что убил Россию, породил социал-национализм Гитлера?

В СССР, я уже повторяюсь, все-таки если ты даже с утра до вечера говоришь о гениальности Леонида Ильича, так просто нельзя было сделать карьеру. Мы, критики советской системы, писали, что «партийный подход» ведет в кадровой политике к антиотбору. Но, как выясняется, в новой посткрымской России антиотбор, связанный с проверкой на лояльность Путину куда мощнее, чем наш старый советский антиотбор в силу приоритета партийного билета.

В начале нулевых я даже защищал путинских силовиков от нападок его тогдашнего советника Глеба Павловского, обвиняющих их, силовиков, в недооценке демократических ценностей. Защищал, ибо в тех условиях, на мой взгляд, только они могли преодолеть хаос, рожденный «лихими девяностыми». Но ведь очевидно, и это показал опыт последнего десятилетия, что генералы, способные навести порядок, речь шла о создании единого правового поля в стране, не годятся для прорывов в экономике. Чужаки, что чужаки в генеральских погонах, что чужаки-либералы типа Белых, остаются временщиками, как выясняется не в состоянии как правило совершить то чудо, которое оказалось по силам детям своей земли, привязанным к своей малой родине, тому же Артамонову в Калуге, Савченко в Белгороде, Ткачеву в Краснодаре.

Так почему снова, как это показал «чистый четверг» Путина от 28 июля 2016 года, на губернаторские должности назначаются прежде всего работники ФСО и ФСБ? Неужели задача сохранения стабильности, а на самом деле власти Путина, выше задач экономического развития?

Но для меня лично – это еще один аргумент, питающий мой пессимизм, еще одно свидетельство того, что идея развития, процесса совершенствования нашей все еще «отсталой» русской жизни уходит в посткрымской России на задний план. К сожалению, оправдываются прогнозы наших либералов, что за созданную Путиным «вертикаль власти» мы платим полной и окончательной утратой политики как конкуренции людей и идей, как того, на чем основана современная европейская цивилизация. Даже весьма лояльный к власти, просто думающий обозреватель «МК» Михаил Ростовский, чьи комментарии я всегда читаю с удо-

---

² Бердяев Н. А. Русская революция и мир коммунистический // Русская идея. – Харьков, «Фолио» – Москва, АСТ, 2002. – С. 478–479.

вольствием, пишет, что от чего ушли, к тому пришли. Снова в России всем, абсолютно всем заведует один и только один человек, а именно «Путин и только Путин. Только ему в нашей стране принадлежит право: кого карать, а кого миловать, кого повышать, а кого понижать, кого двигать по горизонтали, а кого отправлять на выход. А все остальные политические игроки – это всего лишь карты в умелых президентских руках»³.

Но ведь на самом деле в условиях глобального, взаимосвязанного мира, в условиях современной цивилизации подобная система управления страной, когда никто и ничто не в состоянии сдержать, оспорить решение «умелых рук» Путина, опасна. А что будет со всеми нами, если его «умелые руки» устанут или начнут делать то, что противоречит здравому смыслу, интересам страны? Вообще, на что я обращал внимание в своих статьях в «НГ», это страшно, несправедливо, античеловечно, что жизнь, будущее миллионов людей стали целиком зависеть от склада ума, души всего одного, к тому же, как он сам недавно говорил, случайно оказавшегося у власти человека. Буду справедлив. Презумпция невиновности применима к Путину как к любому человеку. Я верю, что он патриот и любит Россию. Но всегда ли у него хватает воли, души, чтобы отделить свои собственные, несомненно честлюбивые интересы от долговременных, стратегических интересов России?

При подобной политической системе даже задачи сохранения политической стабильности, что несомненно важно до сих пор, нельзя будет долго решать. Ума много не надо, чтобы понимать, что в обществе, в стране, где чаще всего успех, карьерный успех и собственное благосостояние связаны прежде всего с близостью к преемнику Ельцина или родство с его ближайшим окружением, или с бывшей работой в ФСО, ФСБ, а не с личными профессиональными достижениями, с особыми, выдающимися качествами и навыками, на самом деле невозможен экономический рост. При подобной кадровой политике наша и без того низкая во всех отношениях конкурентоспособность будет только понижаться. При такой кадровой политике будут умирать зачатки гражданского общества.

И здесь глубинное противоречие нынешней посткрымской ситуации, противоречие, которое я ощущаю как многие, уходящие, как я в последнее время, во внутреннюю эмиграцию в России. Легче тем, кто предпочел внешнюю эмиграцию внутренней, кто, как выясняется, не сильно привязан к России. В СССР имел возможность предпочесть внешнюю эмиграцию внутренней только обладатель дефекта по «пятому пункту» анкеты. Да и потом, как выяснилось после 1991 года, внешняя эмиграция не избавила их от переживаний и мыслей, характерных для внутренней эмиграции. Еще в начале нулевых социолог Володя Шляпентох, который покинул СССР в 1970-е, приезжал в Москву, на квартире родственников своей жены на Зоологической улице устраивал встречу своих бывших коллег, друзей, где обсуждались до глубокой ночи судьбы уже новой, путинской России.

Душа шестидесятников навсегда, до смерти была связана с их Родиной, с СССР, с Россией. И я не знаю исключений из этого правила. Но как выяснилось сейчас, внутренняя эмиграция в СССР обладала большим оптимизмом, чем внутренняя эмиграция в нынешней России, свободной все-таки во многих отношениях. После возвращения из Польши в 1981 году меня, как свидетеля и в каком-то смысле участника событий, связанных с «Солидарностью», приглашали на «чаепития» на кухне в разные собрания думающей интеллигенции Москвы. Но, как я помню, больше всего меня мучили вопросами наши именитые социологи – Левада, Грушин, Шубкин, – собравшиеся для встречи на квартире Лени Гордона весной 1981 года. И сколько было надежды в их умных глазах, активного интереса к будущему, надежды, что советской системе приходит конец. А сейчас на что надеяться? Революции, самые демократические, как выясняется, не прибавляют нам ни разума, ни уважения к свободе, ни сознания самоценности человеческой жизни.

---

³ Михаил Ростовский. Чистый четверг... // МК, 29 июля 2016 г.

Глубинное противоречие, которое сидит в моей душе и которое на самом деле мучает меня, о чем свидетельствует моя публицистика последних лет, представленная в этой книге, состоит в том, что в СССР на самом деле было куда больше оснований для глубинного пессимизма, чем сейчас, но, тем не менее, одновременно и веры в будущее России, в то, что она станет более разумной, заботливой к русскому народу, избавит нас наконец от вечной нищеты, вечной неустроенности быта, традиционной русской дури, было куда больше, чем сейчас. Лично меня как мальчика, проводшего все свое детство и юность на огороде маминного отца, деда Еремея Ципко, на огороде, которым моя семья добывала средства на пропитание, как это не покажется странным, угнетал не столько дефицит свободы, сколько безумие нашей колхозной системы. 30 %, иногда и больше урожая погибало на всем протяжении советской власти, для которой самой большой бедой был урожайный год: не хватало рук, чтобы убрать урожай, складских помещений, чтобы его хранить и т. д. В техникуме, во второй половине 1950-х, когда нас, пацанов, вывозили в колхозы Одесской области собирать початки кукурузы, я начал осознавать изначальную противоестественность советского колхозного строя. Мы уезжали из деревни на учебу в Одессу уже в середине октября, начинаются дожди, но значительная часть урожая остается в поле и мокнет так до первых морозов, пока не погибнет. Сами селяне для себя, для своих хозяйств убрали бы урожай за несколько дней, работали бы даже по ночам. Но, как известно, даже при Хрущеве председателя колхоза, который разрешил бы селянам разносить по домам погибающее колхозное добро, посадили бы как минимум на пять лет. Кстати, я с 8 лет на коленях пропалывал дедушкины помидоры от сорняков, и поэтому убирал за смену в колхозе в три раза больше кукурузы, чем мои совсем городские однокурсники. Но делал это не для того, чтобы стать «передовиком производства», а потому что всегда душа болела при виде погибающего урожая, погибающего труда человека. Мне до сих пор больно, когда я вижу погибающий урожай. Наверное моя крестьянская наследственность сильнее военной и чиновничьей. За что, конечно, мои однокурсники меня, «очень сознательного», недолюбливали, к тому же всегда, где бы я ни учился, я был или старостой или секретарем партийной организации. Особенно досталось моим однокурсникам, когда нас, студентов первого курса философского факультета, вывезли убирать погибающую картошку в село Курапово Нарофоминского района Московской области.

Таких кричащих абсурдов, как колхозная система, в советской системе было заложено множество. И я, как человек, сформировавшийся не просто в городе, а в Одессе, где главной идеологией всегда был здравый смысл, где бабушки нам говорили, что самое позорное в жизни – быть дураком или «идиотом», всегда видел, с юности остро реагировал на абсурды и советской системы и советской истории. Инженер в конструкторском бюро одесского завода «Красная гвардия», куда меня распределили после техникума, получал всего 120 рублей, а в моем литейном цеху формовщик зарабатывали по 200, а иногда и по 300 рублей. Уже позже, будучи студентом философского факультета МГУ, я осознал, что этот абсурд идет от наследия классового подхода гражданской войны, когда во время военного коммунизма преподаватели и профессора Московского или Петербургского университетов, как «социально неполноценные люди», получали пайку хлеба в два раза меньше, чем рабочий-грузчик.

Бесконечные разговоры о преимуществах социализма над капитализмом, но при этом извечный, мучающий людей дефицит, «колбасные электрички» в Москву. На самом деле в СССР люди существовали только для того, чтобы произвести вооружение необходимое для сохранения «завоеваний Октября». Я уже не говорю о политических маразмах советской системы, об аморализме марксизма, обо всем том, что открылось мне после погружения (опять всей душой) в русскую религиозную философию начала XX века, в «Вехи», в доступные для нас, студентов философского факультета МГУ дореволюционные труды Николая Бердяева, Петра Струве, Михаила Туган-Барановского и т. д.

Но этот пессимизм, идущий от кричащих абсурдов советской системы и советской идеологии, пессимизм, который был рожден моим наверное не по возрасту развитым здравым смыслом, легко заглушался верой в то, что стоит избавиться от оков советской системы, и все будет у нас «как у людей», как на Западе. Крестьяне, ставшие фермерами, начнут также усердно работать, как они в советское время работали на своих так называемых «приусадебных участках». Свободные от советской системы граждане начнут избирать во власть самых умных, профессиональных, успешных людей. И т. д. и т. п.

Даже если произойдет чудо и Путин снова, на этот раз серьезно отдаст власть премнику, который начнет серьезно думать именно о развитии страны, что невозможно без преодоления нашей снова углубляющейся бедности, я не уверен, что он, этот лишенный болезненных геополитических амбиций президент, простой, умелый хозяйственник, как Артамонов или Собянин, сможет преодолеть нынешнюю русскую духовную пассивность, русскую апатию, крепнущее в последние годы неверие в то, что в России что-то можно изменить к лучшему.

Сегодня, спустя ровно четверть века после перестройки, после демократических преобразований начала 1990-х, лично у меня нет веры в то, что демократические перемены в политической системе, о которых пишут уважаемые мной авторы уважаемой «Новой газеты», в то, что «новая перестройка» приведет к оздоровлению настроений новой России. Но на самом деле, по крайней мере сейчас нет ни одного факта, ни одного свидетельства того, что люди просыпаются от сна, начинают думать, всерьез защищать свои интересы, что есть сила, способная противостоять происходящему на наших глазах укреплению традиционного русского самодержавия. Напротив, я все больше и больше нахожу свидетельств тому, что наши евразийцы правы, что политическая культура нынешних русских мало чем отличается от политической культуры наших подлинных братьев от политических нравов современного Казахстана, Азербайджана и т. д. Даже у киргизов больше политической активности, больше запроса на демократическую смену власти, чем у нынешних русских, боготворящих нового русского самодержца. Навальные и им подобные для меня не в счет. Они хотят перемен только для себя, для своего собственного либерального единовластия и сверхвластия. Кровь октября 1993 года на совести людей, называющих себя либералами.

Пессимизма в отношении будущего, не просто будущего, а успешного, полноценного будущего, у меня сегодня даже больше, чем в самые марзматиические советские времена. Но мой пессимизм идет не от того, что я перестал любить Россию, но от того, как я все больше и больше убеждаюсь, что наш русский абсурд нескончаем, что мы так и не хотим знать правду и о нашей советской истории, и о том, чем на самом деле был СССР, не хотим руководствоваться простым здравым смыслом, учиться на трагедиях и катастрофах прошлого. Конечно, авторитет власти в России очень важен для сохранения политической стабильности. Но нашей власти пора понять, что без стабильной, успешной экономики, при нашей традиционной, так и не преодоленной русской бедности никакие успешные пиар-кампании, никакие мнимые или реальные победы во внешней политике не в состоянии гарантировать сохранение стабильности и целостности страны. На мой взгляд, Россия без Крыма, которой доверяли, которая была равноправным членом «восьмерки», которая получала извне инвестиции, необходимые для модернизации в том числе и оборонного сектора, имела куда больше шансов на сохранение, на достойную жизнь, чем нынешняя посткрымская Россия, которая стала пугать Запад своей «непредсказуемостью», своим садомазохизмом.

История необратима. Назад, к возможностям докрымской России, дороги уже нет. Что произошло, то произошло. Но я никак не могу понять, почему у нас люди при власти не слышат голос истории, забыли, что в условиях нищеты, загнивающей экономики Россия с Крымом имеет куда больше шансов погибнуть, чем развивающаяся, как в нулевые, Россия без Крыма. Казалось бы, нынешним руководителям не чужда дореволюционная Россия, и они

знают, как легко бунт голодных, с пустыми кастрюлями, может разрушить куда более великую Россию, чем нынешняя, знают, как легко меняются в России настроения. Казалось бы, знания элементарной арифметики, арифметики третьего класса достаточно, чтобы понять, что страна, обладающая всего лишь 2 % мирового ВВП, которая уже сейчас бедна наукоемкими производствами, которой уже сейчас перекрыт доступ к технологиям двойного назначения, не выдержит долго противостояния с Западом, который уже сейчас превосходит нас в экономическом отношении в 20 раз. Власть не учитывает, что, несмотря на временный, но сейчас уже иссякающий энтузиазм, вызванный присоединением Крыма, русский человек уже экзистенциально устал от своей вечной бедности, вечной неустроенности, борьбы за существование.

Наверное много ума не надо, чтобы понимать, что на самом деле и судьба России и судьба русского мира зависит от того, сумеем или не сумеем мы избавить русского человека от этой постоянной боли, от этого вечного стресса. Только идиот, позволю себе сказать, или откровенный циник может рассчитывать на то, что русский человек еще раз может «затянуть пояса» и жить на «минимуме материальных благ» во имя реализации честолюбивых планов своих лидеров, которые хотят оставить «красивый след» в истории.

Трудно быть оптимистом, если у тебя не высохли мозги и есть совесть, когда на самом деле даже проповедники «ура-патриотизма» не верят в будущее своей страны и стремятся побольше урвать себе сейчас, попробовать для себя все радости жизни, которые никогда бы им не достались в стране, которая живет по уму. Трагедия наша и беда, которую я осознал только сейчас, состоит в том, что все наше и политическое и моральное несовершенство от того, что за века так и не сформировалась русская нация как нечто целое, органичное, взаимосвязанное, заинтересованное. После реформ Петра I появилось две нации, и так сами по себе они живут до сих пор. Для власти народ всегда был всего лишь средством достижения ее честолюбивых замыслов, средством для создания «великой империи», или «первого социалистического государства на земле», или, как сейчас, защиты оскорбленного достоинства президента, или средством для его бессмысленных попыток воссоединить заново распавшийся союз республик СССР. А для народа русская власть всегда была «чуждой силой», от которой ничего хорошего ждать не приходится. Откуда наши кровавые революции, откуда наше поразительное равнодушие к репрессиям Сталина, к мукам миллионов жертв ГУЛАГа, голодомора? Вспомните, с каким равнодушием толпа наблюдала, как танки Грачева расстреливают Белый дом и давят своими гусеницами москвичей, пришедших с детьми поддержать мятежный Съезд народных депутатов РСФСР. От того, что у нас никогда не было того, что всегда было, к примеру, у поляков, не было чувства национального единства, чувства сопереживания бедам своих соотечественников. Народы Прибалтики, даже Западная Украина, не могут простить Сталину уничтожения значительной части их национальной элиты, интеллигенции в 1940 году и после победы 1945 года. А подавляющей части современных русских, и не только поклонников Сталина, абсолютно «до фонаря», что большевики с 1917 по конец 1930-х годов проводили сознательную политику истребления мозгов нации, ее элиты, по сути занимались тем же, чем, к примеру, занимался Гитлер по отношению к польской интеллигенции с 1939 по 1944 год. И здесь, на мой взгляд, как я стал понимать только в посткрымской России, главная причина всех наших русских бед. Легче всего развязать гражданскую войну в стране, где нет национального единства. Невозможно сформировать гражданское общество, какие-либо предпосылки демократии там, где люди не ощущают национального единства. Репрессии против народа многие прощают Сталину, ибо для них его жертвы – чужие люди. И что с этим делать?

Так мы и живем по сей день. Правда и идеи, мир исторических смыслов и абстрактных ценностей, абстрактные рассуждения интеллигенции абсолютно не интересуют простых людей, которые живут внизу, а погруженную в интеллигенцию, элиту власть мало инте-

ресуют заботы простого человека, у которого вечно не хватает денег, чтобы купить самое необходимое для семьи. По данным последних социологических опросов нищим в подлинном смысле этого слова, т. е. доходы которого ниже черты бедности, является уже каждый шестой россиянин. А почти половина россиян жалуется на то, что им не хватает денег, чтобы купить «необходимую одежду». И чем больше нищих, нуждающихся, тем больше в обществе апатии, осознания того, что нищему, нуждающемуся суждено всегда оставаться нищим, и тем больше и сильнее замыкание в себе и одновременно подозрительности к другому, недоверия к нему, тем больше причин для агрессии, тем больше вспышек гнева на весь этот мир.

И вот здесь у меня, кстати, впервые возникла мысль, что русской нации в подлинном смысле этого слова так и не появилось из-за нашей вечной нищеты и неустроенности, той второй, крестьянской, а потом рабочей русской нации, которая всегда была внизу. Не забывайте, сегодня разрыв между состоянием тех, кто наверху, и достатком тех, кто внизу, сильнее, чем был в царской, феодальной России.

Гражданское общество создавали равные в правах и практически равные в достатке бюргеры торговых городов. А какое гражданское общество и собственно гражданскую европейскую нацию могут создать бывшие рабы, которых бары столетиями продавали наравне со скотом, которые денно и нощно, чтобы не умереть с голоду, добывали хлеб насущный. И этого, на мой взгляд, не понимали наши либералы 1990-х, которые, с одной стороны, лишили людей советского минимализма во имя «успеха рыночных реформ», а, с другой стороны, его, полуголодного, призывали строить «демократию», «гражданское общество». И мне думается, из-за так и не искорененной традиции русской нищеты мы и вернулись к хорошо известным традициям русского самодержавия.

Я не оправдываюсь перед читателями, я просто хочу объяснить, почему в этой моей книге все-таки очень много пессимизма.

Книга I

Независимая Украина не может не быть антирусской

Сталин, голодомор и дружба народов

Споры о причинах и истории голодомора еще раз высветили существенные различия между национальным сознанием бывших великороссов и малороссов. И эта разница проявляется прежде всего в отношении к Сталину. Среди украинцев, речь идет прежде всего о православной центральной и южной Украине, на протяжении по крайней мере двух поколений сохранялась память и о муках сталинской коллективизации, и о кошмарах голодомора. В России тоже значительная часть крестьянского населения, особенно воцерковленная, воспринимала в массе Сталина как «душегуба». Но все же русские крестьяне, особенно после победы 9 мая, многое Сталину простили. Кстати, отношение к Сталину моего наставника и шефа по ИЭМСС АН СССР, участника Великой Отечественной войны, профессора Анатолия Бутенко, который пережил голод 1932 года на Полтавщине, ничем не отличалось от отношения к Сталину нынешнего Президента Украины. Конечно, во всех пропагандистских кампаниях Ющенко вокруг жертв голодомора на Украине много политики и пиара на костях. Но надо понимать, что кампания по осуждению голодомора 1932–1933 годов возникла не на пустом месте, она опирается на национальную память украинцев. Надо понимать, что, во-первых, сам Ющенко как уроженец сумской деревни несет в себе эту ненависть к Сталину как отцу голодомора, а во-вторых, что вся эта кампания опирается на болевые точки украинского, по природе своей крестьянского национального самосознания. И сам тот факт, что политический класс России начинает постепенно осознавать, что украинцы – это не просто «младшие братья», а особая славянская нация с особенностями своего восприятия жизни и русской истории, придает надежды. Надо видеть, что все кричащие провалы политической элиты бывшей РСФСР и новой России на украинском направлении как раз и проистекали от советского мифологического и одновременно невежественного отношения к украинской проблеме. Ельцин думал, что он выталкивает Украину из нашей общей страны на время, что после того, как он освободит Кремль от Горбачева, независимая Украина «приползет к нему на коленях» (эту стратегию Ельцина в отношении Украины излагала нам, членам общественного совета «МН», Галина Старовойтова в ноябре 1991 года). И, соответственно, администрация Путина в критической ситуации выборов президента Украины в конце 2004 года исходила из ложного посыла, что основная угроза интересам России находится в Галиции, на западных землях Украины. И в 1991 году, и в 2004 году политический класс России не видел, не хотел знать, что мечта о «самостийности», о независимости от России, о создании своего собственного национального государства коренится и в сознании православной Украины, которую триста пятьдесят лет назад Богдан Хмельницкий привел в состав Московского царства. Надо признать, что российский котел даже за триста лет не смог сделать то, что сумел сделать германский котел за пятьдесят лет. Бывшие малороссы и великороссы так и не стали единой нацией. А бывшие пруссы, саксонцы, баварцы очень быстро стали единой германской нацией. И тут есть над чем подумать.

Так что на самом деле нынешние русские и нынешние украинцы и братья, и не братья. Правда состоит в том, что украиноговорящие украинцы (и не только в Галиции) действительно выбрали так называемый «западный вектор» и умом и душой, выходят из когда-то общего русского мира, особенно новое, молодое поколение. А своей российской неадек-

ватностью, своими разговорами о том, что проблемы голода 1932–1933 годов нуждаются в дополнительных исследованиях и дискуссиях, мы просто ускоряем этот процесс расставания украинцев с Россией.

И, несмотря на то, что на самом деле этнические украинцы правили в СССР более четверти века, вплоть до 1991 года, начиная от Брежнева и кончая Горбачевым, все равно где-то в глубине украинского национального сознания, как и во времена Екатерины II, московская власть воспринималась как чужая власть. Так что российским политикам, если они действительно хотят все же сохранить влияние на созданную ими по собственной инициативе независимую Украину, придется больше изучать историю народа, который сегодня называется «украинцами», и больше считаться с достоинством тех, кого мы по инерции продолжаем называть частью разделенного развалом СССР «единого народа». *Сила России все же заключена не в газе, а в мудрости и государственном опыте ее правящего класса.*

Что касается самой полемики между руководством Украины и России по поводу голода 1932–1933 годов в СССР, то, на мой взгляд, грешили искажением фактов обе стороны. Конечно, не соответствует фактам утверждение Ющенко, что за последние пятьдесят лет советской власти население Украины сократилось вдвое. Рассуждения Ющенко о каких-либо «качественных отличиях» голода на Украине от голода в России и других регионах СССР, конечно же, иначе как спекуляциями не назовешь. Заградительные отряды вокруг сельских районов, где вымирали от голода крестьяне, создавались не только на Украине, но и в Поволжье, в Ставропольском крае. Примечательно, что даже в моей родной тогда еще послевоенной русской Одессе была жива память об этих заградительных отрядах, которые стояли на окраине города, на Дальних мельницах, и где в упор красноармейцы расстреливали рвущихся в Одессу голодных крестьян.

Но Дмитрий Медведев явно переживает в полемике с Ющенко, когда настаивает, что якобы «любой гражданин Украины, утверждающий, что помимо украинцев в этот период от голода погибли русские, казахи, белорусы, является, по вашему мнению, уголовным преступником». Сам Ющенко в своих выступлениях, посвященных осуждению преступлений сталинизма, вспоминает о голоде в Казахстане в 1931 году, который истребил два миллиона казахов, и об «искусственном голоде на Северном Кавказе в 1932–1933 годы».

Есть все-таки во всех наших российских инвективах, направленных против голодоморской кампании на Украине, какое-то равнодушие ко всем этим, сейчас далеким от них бедам украинских крестьян. Никогда, кстати, само украинское руководство не трактовало голодомор 1932–1933 годов на Украине как политику русской нации, направленную на уничтожение украинцев. Ющенко все время говорит о том, что не могут быть преданы забвению все жертвы сталинизма, уничтоженные Гулагом, в том числе «и сотни тысяч россиян, представителей братских народов».

И самое важное, во имя чего я пишу эти заметки. Не имел бы Ющенко возможности призывать мировое сообщество осудить советский тоталитаризм, коммунистический режим, если бы руководство новой, якобы некоммунистической России на официальном уровне, к примеру, через постановление Думы, осудило все преступления большевистского режима, и ленинского, и сталинского. Тем самым, то есть путем осуждения так называемого «коммунистического тоталитаризма» на государственном уровне, мы бы показали миру, что нынешняя свободная Россия, кстати, сама освободившаяся от советской системы, ни по происхождению, ни по идеологии не имеет ничего общего с большевизмом. Кстати, надо понимать, что наши красные патриоты, настаивающие на русском национальном происхождении большевизма, наносят урон нашим национальным интересам. Во-первых, это неправда, а во-вторых, зачем нам брать ответственность за строй, созданный при активном участии европейских марксистов и при значительной поддержке старой Европы, и прежде всего Германии? Так что, на самом деле, если бы мы были умны, то мы, новая Россия, должны были

бы быть впереди планеты всей по разоблачению красного и сталинского террора и не возмущаться тем, что украинцы говорят о том, о чем мы молчим.

В осуждении преступлений Сталина мы пока что не продвинулись ни на шаг по сравнению со знаменитым постановлением ЦК КПСС 1956 года по осуждению «культы личности Сталина». Ведь надо признать, что до начала этой голодоморской кампании на Украине у нас практически никто не сделал достоянием общественности, не изучал последствия подобного же голодомора в Ставропольском крае, на Кубани. Хотя Путин как президент в своем июньском, 2007 года выступлении, посвященном памяти жертв «Бутовского полигона», говорил о том же, о чем говорит Ющенко, о том, что большевистский режим и во времена красного, и во времена сталинского террора занимался уничтожением наиболее талантливых, одаренных представителей российской нации.

Кстати, и здесь в оценках и Путина и Ющенко преступлений сталинского режима снова проявляются различия между национальным самосознанием великоросса, президента России, и национальным самосознанием президента Украины Ющенко как украинца. Для Путина как русского основной ценностью является государство, а потому он сожалеет прежде всего об убиенных большевистским режимом образованных и талантливых людях, которые могли бы послужить Отечеству, прославить его. Тут мы имеем дело с тем, что можно назвать героическим национальным сознанием. Для Ющенко как украинца основную ценность составляет крестьянство как основа национального бытия, как возможность создания своего украинского национального государства. Отсюда и мифологемы Ющенко типа того, что Сталин уничтожил голодомором украинцев для того, чтобы они не имели возможности создать свое государство. Но беда как раз и состояла в том, что Сталин и мысли не допускал, что когда-то распадется СССР и вылезут наружу, станут явными все его преступления, тем более он не предполагал, что социалистическая Украина когда-то будет независимой. *Все дело в том, что ни у Ленина, ни у Сталина как у большевиков на самом деле не было чувства истории.*

В том-то и дело, что у украинцев как крестьянской нации, как нации холопов у польских панов, а затем как у нации крепостных рабов в царской России, сложилось мученическое самосознание, самосознание нации, участью которой является тяжкая доля. Понятие доли тяжелой судьбы является как бы камертоном души украинца. Вирши Тараса Шевченко как крестьянского сына, как крепостного, как раз и отражают специфику этого украинского мировосприятия жизни как тяжелой доли. У украинцев нет того мессианизма, героики государственности, которая спасала великоросса от тяжелых мыслей о своей крепостной судьбе. Возможно, малороссы так тяжело воспринимали крепостное право потому, что оно у них появилось только в 1770 году, в эпоху царствования Екатерины, когда на самом деле оно себя изжило и в духовном, и в экономическом смысле. Рискну предположить, что именно Екатерина II превратила малоросса в украинца, в носителя особой «доли тяжелой».

То, что нами воспринимается только как идеологическая кампания, направленная на обособление Украины от России, является, тем не менее, одновременно закономерностью, обусловленной самим существованием Украины как независимого государства. Для русского человека с его государственным сознанием Екатерина II является великой державницей, которая оставила после себя сотни новых городов, создала Новороссию. Для украинца с национальным сознанием, я уже не говорю об украинских националистах, Екатерина II является паразитницей, которая ввела в Малороссии крепостное право. В советское время все эти национальные обиды были на периферии сознания. Теперь, уже в независимой Украине, эта негативная память всплывает, и она, естественно, эксплуатируется новой национальной элитой. У украинского руководства на самом деле нет другого пути скрепления своей нации, кроме как скрепления ее общей бедой, какой, несомненно, является рукотворный во многих отношениях голод на Украине в 1932–1933 годы. Как говорят,

за что боролись, на то и напоролись. Надо, в конце концов, иметь мужество и увидеть, что на самом деле означает распад СССР, которого так активно добивалась политическая элита нынешней России, к стати, и демократы, и коммунисты. Независимая Украина несет в себе для России многие очень неприятные вещи.

Мы правы, когда напоминаем Ющенко, что изымали у украинских крестьян зерно, обрекая их на смерть, коммунисты-украинцы, что сталинизм не имел национальной окраски. Но мы не можем запретить Ющенко рассматривать преступления сталинизма через национальную призму, обращать внимание на то, как сказался голод, возникший в результате изъятия государством у крестьян зерна, на жизни и судьбе украинского народа.

В том-то и дело, в чем не отдает себе отчет политический класс новой России. Новая Россия как правопреемник СССР, как правопреемник многонациональной России, вынуждена, обречена говорить о голодоморе как о нашей общей беде. Но мы должны одновременно понимать, что новые национальные государства, созданные на основе бывших советских республик, будут делать акцент не на общей беде, а на своих национальных особых трагедиях. Сам факт националистических спекуляций на негативном историческом опыте не дает оснований для отрицания права бывших советских республик на свою особую национальную трактовку преступлений сталинской эпохи.

На мой взгляд, у нас до сих пор нет продуманной политики по отношению к бывшим славянским республикам СССР потому, что мы все время пытаемся мерить поведение их новых элит на свой общий, общесоветский аршин. Мы все время хотим, чтобы они – украинцы, белорусы – смотрели на свою национальную историю нашими, общероссийскими глазами. Но это уже невозможно. Народы СССР, вспоминая о сталинском терроре, уже неизбежно будут акцентировать свое внимание прежде всего на жертвах со стороны своей титульной нации. Латыши и эстонцы обращают внимание в первую очередь на репрессии по отношению к своей национальной интеллигенции. Украинцы в силу крестьянской природы своей нации придают первостепенное значение ужасам голодомора 1932–1933 года в украинской деревне. Все это естественно. И не их вина в том, что, к сожалению, русские, в отличие от других народов бывшего СССР, в массе довольно равнодушно относятся к гибели представителей своего этноса в эпоху сталинизма. Мы никак не можем понять, что независимая Украина – это прежде всего независимость от России, что с того момента, как она стала независимым государством, она инстинктивно стремится освободить себя от забот о нашей общей русской судьбе и о наших общих бедах. Независимая Украина прежде всего мыслит в самостийном измерении. Сегодня Украина пытается, и, наверное, не совсем удачно, сплотить свой народ, актуализируя память о национальных трагедиях прошлого. Такова трудная логика формирования созданной во многом по инициативе Ельцина независимой Украины.

С исторической точки зрения точка невозврата к России для Украины еще не пройдена. Украина еще не потеряна для новой России окончательно, «западный вектор» Украины, спровоцированный распадом СССР, может затеряться в пучине экономических потрясений, которые ожидают в условиях глобального кризиса Украину. Но на Россию, как на хранительницу общероссийского очага, ложится громадная ответственность за сохранение самой возможности воссоединения русского мира. Вот почему мы обязаны быть честны во всем, что касается нашей общей российской истории и наших общих бед.

НГ, 16.12.2008

Особенности украинской национальной идентификации и их влияние на внешнюю политику независимой Украины

Понять зигзаги современных отношений России и Украины нельзя, не поняв идентификацию двух народов. Москва исходит из того, что это некогда один, но позднее разъединенный народ. Киев скорее утверждается в самобытной украинской национальности. Кто прав, кто виноват – как всегда, рассудит история.

Миф о «разделенном народе»

Разочарование внешней политикой якобы «прорусского» президента В. Януковича вызвано, прежде всего, историческим невежеством нынешних российских политиков. Они никак не могут понять, что прорусского руководителя по определению не может быть в независимой, «нэзалэжной» Украине. Они до сих пор живут советскими мифами о неразрывном единстве украинцев и русских, единстве «народов-братьев», которое якобы было случайно разрушено и легко восстановимо при определенной политике российского руководства. Отсюда и надежды, что Украина рано или поздно станет членом Таможенного союза и членом создаваемого по инициативе России «евразийского союза». Отсюда и удивление, что команда В. Януковича дословно повторяет кредо команды В. Ющенко: «Украина ни при каких условиях не будет принимать участия в создании наднациональных структур, ущемляющих ее суверенитет».

Российская политическая элита никак не может понять самого главного – она абсолютно чужая для своих контрагентов на Украине, независимо от их идейной ориентации. Не может понять то, что для украинской политической элиты сближение с Россией, а тем более новое объединение с ней, подрывает основы власти и самого существования Украины как самостоятельной, суверенной политической силы. Не может понять, что сидит в сознании и подсознании каждого украинского политика. В силу того, что выход из состава СССР, разъединение с Россией стали главным условием зарождения независимости Украины, то главной угрозой этой независимости как раз и становится движение назад, в сторону России.

Не надо удивляться тому, что эксперты В. Януковича, как и эксперты В. Ющенко, считают, что главной угрозой «нэзалэжности» Украины была и остается Россия. Но команда В. Путина наступает на те же грабли, на которые накануне распада СССР наступал Б. Ельцин, полагая, что суверенитет Украины – это не всерьез, что, «нахлебавшись суверенитета, она, Украина, приползет на коленях в Россию». Да, легкий, безболезненный выход УССР из исторической России, да еще в придачу с Новороссией, с теми территориями, которые были отвоеваны у турок и заселялись как русскими, так и украинцами, было чудом, в историческом смысле случайностью.

Корыстная, невежественная элита РСФСР не имела представлений о геополитической сущности России, сложившейся на протяжении веков. Не отдавала себе отчет, о чем писали российские мыслители начала XX века, что без того славянского, демографического ресурса, который заключен, как они тогда говорили, «в малоросской нации», Россия не удержит Сибирь. Из советской образованщины выросла иллюзия (она была характерна и для патриотов-суверенщиков, желающих создать Россию, где этнические русские будут составлять абсолютное большинство, и для демократов – борцов с «советской империей»), что «братский украинский народ», получив государственную независимость, будет обязательно

выстраивать «дружественные» с Россией отношения. И здесь всегда, как помнится, приводились в пример отношения дружбы и сотрудничества между США и Канадой.

Впрочем, драматизм ситуации состоит в том, что и сейчас, спустя двадцать лет после распада СССР, жила и живет эта иллюзия о случайно «разделенном народе» (В. Путин). Живет вера, что главным препятствием на пути нового объединения России и Украины стали зловредные украинские националисты типа бывшего президента Украины В. Ющенко и, конечно же, «антирусская» Западная Украина. Отсюда и обманутые на сегодня надежды на якобы своего, прорусского В. Януковича и раздражение тем, что на самом деле приход к власти донбасской группировки во главе с Партией регионов не только не ускорил экономическую интеграцию России и Украины, а, напротив, стал для нее серьезным препятствием.

Поразительно, но никакие факты не могут заставить нынешнюю политическую элиту страны увидеть правду: для Украины, равно как и для республик Прибалтики и Закавказья, государственная независимость есть прежде всего независимость от России, а гарантом их независимости выступает в первую очередь Запад. Конечно, не в силу того, что там исповедуют особый пиетет и чувства дружбы к Украине и украинскому народу, а потому, что Запад в отличие от бывшей политической элиты бывшего РСФСР прекрасно понимает: Россия без Украины – все же не совсем Россия.

Мы до сих пор не хотим согласиться с тем, что альтернативный Б. Хмельницкому выбор прозападного развития – вектор и идеология И. Мазепы – всегда рассматривался в украинском национальном сознании как упущенная возможность. Стоило России, как в 1991 году, предоставить право на самоопределение Украине, она сразу же воспользовалась этим. Россия до сих пор не может понять, что превращение Украины из советской республики, тесно интегрированной в общее российское государство (в социалистическую Россию), в независимое национальное государство украинцев уже неизбежно ведет и к переоценке всей совместной русско-украинской истории.

Логика здесь простая. В рамках общего государства героями были те, кто ратным трудом укреплял русско-украинское единство. Но как только появляется национальное независимое государство, героями становятся те, кто не просто боролся за независимую Украину, а боролся прежде всего с Россией. Именно, исходя из этой логики, якобы прорусский президент Украины Л. Кучма, который без российской помощи никогда не выиграл бы в 1996 году борьбу за президентство у Л. Кравчука, пишет книгу «Почему Украина не Россия». В ней И. Мазепа представлен фигурой, равноценной в украинской истории Б. Хмельницкому, который будто бы «уравнивает его». Согласно Л. Кучме, только «духовно незрелый» человек может считать И. Мазепу «предателем».

Не следует предаваться особым иллюзиям и по поводу желаний политической элиты нынешней Белоруссии как можно быстрее интегрироваться в Россию. Подобные настроения в Восточной Белоруссии были сильны в середине девяностых, когда речь шла всерьез о создании союзного государства, обеспечивающего политическое равенство белорусов и русских. Но после того как В. Путин в 2004 году предложил Белоруссии войти в РФ в качестве нескольких простых субъектов, сторонников интеграции в этой республике оказалось не более 10 %.

Что же касается лукашенковской элиты, то она дорожит суверенитетом не меньше, чем элита Украины, и соглашается на различного рода интеграционные проекты с Россией только в силу бедности и понимания того, что их лидер А. Лукашенко загнал себя и вместе с собой их в объятия России. Отношения России с Белоруссией – предмет особого разговора. Стоит напомнить, что белорусы, и даже белорусы Востока, на самом деле народ, не более братский русскому, чем украинцы, что и в их белорусском подсознании не выветрилось более чем полутысячелетнее развитие в рамках литовского, а затем польско-литовского государства, то есть в рамках европейского мира.

Инициатива РСФСР добиться суверенитета, настойчивое желание Б. Ельцина и его команды как можно быстрее вытолкнуть СССР из состава СССР, создав тем самым условия для выдворения М. Горбачева из Кремля, были не простой случайностью, а предательством по отношению к нашим российским предкам, которые на протяжении двух веков обустроивали то, что они называли югом России, Новороссией. Политическая элита СССР еще в начале 1991 года и мысли не допускала, что произойдет подобие чуда и Россия сама отдаст в ее руки Украину. При этом забудет и о российском духе, и о происхождении Крыма, и о городе русской славы Севастополе. И о том, что Россия без южного побережья, без Новороссии, которая создавалась в рамках единого русского государства и которая потом вошла в состав СССР, на самом деле уже не Россия в точном смысле этого слова. Н. Бердяев еще в 1917 году утверждал, что Великороссия без Украины – это уже не Россия, а «Московское царство».

Что касается внешнеполитической мотивации независимой Украины, то постичь реальность нельзя, не познав историческую правду и не отказавшись от двух мифов. Во-первых, о том, что русские и украинцы – один и тот же случайно «разделенный народ», и, во-вторых, о том, что основной преградой на пути их интеграции была и остается Западная Украина. Дело как раз в том, что главное препятствие на пути новой интеграции России и Украины – это православная, центральная Украина, Украина Т. Шевченко, которая при всей бедности не откажется от шанса создать собственную национальную государственность. Не могу не обратить внимания и на то, что миф о русских и украинцах как одной «разделенной нации» и миф об идейном и политическом противостоянии Восточной и Западной Украины тесно связаны.

Правда же в том, что на президентских выборах 2004–2005 годов православная Украина так же рьяно отдавала предпочтение националисту В. Ющенко, своей украинской крошечке, как и униатская Украина. И в Кировоградской, и в Винницкой, и в Киевской областях В. Ющенко получил от 70 до 80 % голосов избирателей. Православная Украина отдавала себе отчет, что она голосует не просто за В. Ющенко, а против кандидата России, и делала это с явным энтузиазмом. «Разве не понимаете, – говорил мне директор школы, руководитель участковой избирательной комиссии на Украине во время второго тура президентских выборов в ноябре 2004 года, – что мы голосуем не за В. Ющенко, а за национальное достоинство украинцев».

Конечно, само по себе появление в Москве, в России руководителей, которые будут сознательно добиваться разрушения складывающегося столетиями русского мира, объединяющего всех восточных славян, и русских, и украинцев, и белорусов, – больше случайность, чем необходимость. Еще в 1989 году никто на Украине, даже самые ярые националисты, не предполагали, что всего через два года вековая мечта о «нэзалэжности» воплотится в жизнь, став каким-то чудом. Но как поразительно быстро свалившаяся с неба независимость Украины входила в сознание не только элиты, но и украиноязычного населения республики, как быстро, уже в начале нулевых, точка возврата в общее прошлое, в единое государство была пройдена.

Популярный среди российской политической элиты миф о русских и украинцах как о «разделенном народе» на самом деле – продукт поразительного невежества и незнания. С одной стороны, национальной истории, культуры, политических нравов Московии, которая пошла на объединение с украинским казачеством, а с другой – менталитета того восточнославянского племени, которое привел в Московское царство Б. Хмельницкий. Сегодня в России на украинском направлении встречаются политики, которые ничего не знают ни о реальной истории российско-украинских отношений, ни об особенностях менталитета, политической ориентации украинцев, называемых братским народом. Многие до сих пор полагают, что «украинскость» как самосознание, противопоставляющее себя «русскости», –

всего лишь результат антирусского проекта, осуществляемого на протяжении столетий поляками. Отсюда и предложение перековать украинское национальное самосознание, создать новую прорусскую украинскую идентичность.

Исторические факты

Чтобы преодолеть эти мифы, надо начинать с ликбеза, с восстановления правды о тех событиях и фактах украинской истории, которые игнорировались или замалчивались советской историографией. Конечно, в середине XIII века, а тем более во второй половине XII века никаких украинцев и русских не было. Характерные для последователей М. Грушевского попытки описать расправу войск А. Боголюбского в 1169 году над населением взятого им Киева как расправу великороссов над украинцами – откровенная националистическая пропаганда. В то время население и Киева, и Смоленска, и Новгород-Северска, и Суздаля говорило на одном и том же старославянском языке, исповедовало одну и ту же православную религию, жило одной и той же византийской культурой. Это было время кровавых, непрекращающихся междоусобиц русских городов.

Так что нельзя говорить о Киевской Руси как государстве в современном смысле слова. Никакими этническими соображениями не объяснить еще более кровавое событие, чем взятие Киева А. Боголюбским. Черниговский южнорусский князь расправился с южнорусским Киевом еще жестче. Речь идет об упоминающемся в летописях разгроме Киева в 1203 году объединенными смоленско-черниговскими войсками под предводительством князя Рюрика Ростиславовича. Летопись сообщает, что союзные с Черниговом половцы убивали монахов, священников и монахинь, забирая молодых монашек в свои лагеря. Не было в то время этнических различий между русскими и украинцами: одни и те же книги читались в Киеве и в Новгороде, одни и те же князья княжили то в «России», то на «Украине».

Правда, расправа А. Меншикова над защитниками резиденции И. Мазепы, над защитниками города Батурина, в результате которой, по некоторым источникам, было перебито 60 тыс. человек, включая и мирное население, уже была расправой великороссов над украинцами. Здесь действительно русское войско воевало против украинского казачества, которое под руководством И. Мазепы изменило русскому царю.

Но в том-то и дело, что в 1708 году, спустя почти полтысячелетия после упомянутых междоусобиц Киевской Руси, речь уже шла о двух различных восточнославянских народах, отличавшихся на тот момент языками и самосознанием, а самое главное – политической культурой. В. Вернадский, украинец по происхождению, в своей статье «Украинский вопрос и русская история» настаивает на том, что Россия в момент объединения относилась к украинскому казачеству как к «инородному политическому элементу», который лишился политического и культурного своеобразия лишь к началу XIX века. Россия как московское царство сформировалась в рамках восточной, монгольской деспотии, а украинская нация – в рамках литовско-польского, по природе своей европейского мира. В. Вернадский считал также, что поскольку у Украины были давние связи с Западной Европой, она была «проникнута духом демократизма».

Н. Трубецкой отмечал, что в момент объединения левобережной Украины с Московским царством украинская элита находилась на более высоком уровне цивилизационного развития, чем книжники Московии. Вот почему, как известно, «началом создания общерусской культуры послепетровского периода послужила духовная украинизация Великороссии... Общерусская культура преемственно связана только с западнорусской, украинской

культурой допетровского периода, а не со старой великорусской культурой, традиция которой оборвалась в конце XVII века»⁴.

Особенности и украинского менталитета, и политической культуры связаны именно с тем, что на протяжении нескольких веков бывшая Юго-Западная Русь жила и развивалась в рамках польского варианта западной культуры.

Надо также учитывать, что в 1654 году в политическую связь и близкое культурное общение с Москвией вошла не вся Украина, а только часть ее, левый берег Днепра, так называемая Гетманщина, то есть позднейшие Полтавская и Черниговская губернии, рядом с которыми пребывали в связи с Москвой еще Слободская Украина – Харьковская губерния. Что касается правого берега Днепра, Киевщины, Волыни, Подолии, то ведь они оставались под властью Польши до самого упадка Речи Посполитой, до 1793 года⁵. Таким образом, украинец правобережной Украины более половины тысячелетия развивался вне Северо-Восточной Руси, вне народа, который в конце концов назовет себя русским.

Характерное для нынешних горе-специалистов по украинскому вопросу деление Украины на Восточную, «пророссийскую», и Западную, антироссийскую, некорректно, ибо не учитывает особый менталитет и особые настроения правобережной православной Украины. Ментально, как выясняется, правобережная Украина всегда была отделена от России, всегда ощущала отличие особой «украинскости» от «русскости». Сам факт, что именно в Киевской, Винницкой, Житомирской, Хмельницкой областях националист В. Ющенко на президентских выборах 2004–2005 гг. получил более 70 % голосов, свидетельствует, что правобережная Украина до сих пор ментально более отделена от России, чем Восточная. Судьбу В. Ющенко на президентских выборах в 2004–2005 годах решила не Западная, а правобережная Украина.

На самом деле, на что до сих пор не обращают внимания многие исследователи, чего не видел и Н. Трубецкой, украинская культура – вовсе не один из «вариантов» общерусской культуры, как принято считать. В XV, XVI и первой половине XVII века развитие Украины и Московии сильно отличалось, а во второй половине XVII века различие между их культурами было чрезвычайно глубоким. Русь северная, позже объединенная Москвою, осталась при своем византийском наследии. Культура Юго-Западной Руси, то есть Украины, сначала при галицко-волинских, потом при литовских князьях, а с XVII века через Польшу продолжала поддерживать общение с Западом, отражая у себя и Ренессанс, и Реформацию.

Все это объясняет, почему у украинцев всегда было особое национальное самосознание, дистанцированное от русского. Самое поразительное, что мечта о самостоятельности Украины, распространенная уже с начала XIX века, выражалась на русском языке. «Общерусский» писатель Н. Гоголь в минуту откровенности писал земляку М. Максимовичу: «Туда, туда, в наш Киев! Ведь он не их, он наш, он наш!».

Так что главный вывод предшествующих рассуждений в том, что глубинной основой украинского национального самосознания была не мова, не язык, а жажда самостоятельности, самостоятельности Украины от России. И родилась эта идея «незаложности» от России не в Галиции, а именно в центральной, православной Украине. Совсем не случайно, как только в 1918 году возникла украинская «Держава», российские профессора украинского происхождения сразу же присягнули на верность своему национальному государству. Тогда же организатором Украинской академии наук стал член Петербургской академии наук В. Вернадский.

Существенным оказалось то, что украинское национальное самосознание, как оно сложилось уже в XIX веке, неразрывно связано с идеей, по словам Н. Гоголя, отделения своего,

---

⁴ Трубецкой Н. С. К украинской проблеме. Избранное. – М., 2010. – С. 471.

⁵ Дорошенко Д. И. По поводу статьи кн. Н. С. Трубецкого. См.: Трубецкой Н. С. Указ. соч. С. 572–573.

«нашего», украинского от «ихнего» русского, с идеей независимости от России. Это как раз и не учитывала советская власть, занимаясь в двадцатые годы насильственной украинизацией юго-восточной Украины. Тогда в соответствии со сталинским принципом «национальное по форме, социалистическое по содержанию» проводилась политика «коренизации кадров» (когда местная бюрократия должна быть национальной) и «украинизации». Именно применительно к Украине в начале двадцатых годов И. Сталин говорил: «Нельзя идти против истории. Хотя русский элемент все еще доминирует в украинских городах, ясно, что со временем они неизбежно украинизируются»⁶. Украинизация дошла до того, что в некоторых регионах Восточной Украины, в частности Донбасса, местные газеты на русском, исчезнувшие в начале двадцатых, появились лишь во время гитлеровской оккупации.

Украинская нация сформировалась в рамках литовско-польского мира, в рамках которого она прожила более 400 лет до Переяславской рады 1654 года, а русская нация уже сформировалась в рамках империи Чингисхана, под пятой ордынских ханов, где оказалась Северо-Восточная Русь после 1240 года. Другое дело, что Северо-Восточная Русь под властью монголов куда больше сохранила национальную, религиозную самобытность, чем Юго-Западная Русь в составе польско-литовского государства. Совсем не случайно уже в 1299 году центр русского православия из Киева перемещается во Владимир Суздальский, а затем в Москву (1322 год).

В то же время в Юго-Западной Руси господствующим языком становится польский, сильно повлиявший на формирование украинского и белорусского языка и, соответственно, на особенности менталитета и мировосприятия украинцев и белорусов. Не следует забывать, что Галиция, Западная Украина, уже в XIV веке стала польским воеводством и вообще на протяжении 700 лет, до 1940 года, никогда не была в составе России. Вот почему Галиция больше других княжеств Киевской Руси утратила исходные древнерусские корни. Надо учитывать, что в целом Украина пришла в Россию с Запада. И потому нет ничего неожиданного, что, выйдя из России, из СССР, Украина идет прежде всего на Запад.

Нет ничего неожиданного в том, что «оранжевая», антироссийская революция 2004 года проходила при непосредственном участии президента Польши А. Квасневского и экс-президента Л. Валенсы. Прозападная ориентация для независимой Украины (именно потому, что она стала независимой прежде всего от России) будет всегда доминирующей. По этой причине прозападные настроения характерны не только для Западной, но и для Центральной Украины. Правда в том, что не общие исторические корни, а бедность заставляет руководителей Украины – от Л. Кравчука до В. Януковича – балансировать между Россией и Западом.

В 1654 году Переяславская казацкая рада, присягнувшая на верность царю Алексею Михайловичу, объединила не столько две части разделенного русского народа, сколько две восточнославянские нации. Впрочем, не следует забывать, что сама казацкая Рада рассматривала события в Переяславе не как исторический выбор украинского народа, на чем настаивала советская историческая наука, а как тактический ход. Вот почему всего через четыре года, в 1658 году, та же казацкая Рада во главе с новым гетманом И. Выговским предала русского царя, заключив мирный договор с Польшей, по которому Украина должна была получить автономный статус внутри Речи Посполитой.

Совсем не случайно украинское казачество качнулось спустя четыре года после Переяславской рады в сторону поляков. Истина, которую не признают до сих пор многие в России, в том, что для украинского казачества того времени ненавистные ляхи были в культурном и политическом отношении ближе, чем москвиты. Понятно, что Д. Дорошенко как украинский националист в споре с русским патриотом Н. Трубецким делал акцент на том, что преимущество украинского заключалось в его отличии от великорусского. Но и сам Н.

---

⁶ X съезд Российской коммунистической партии: Стенографический отчет. – М.: Государственное изд-во, 1921. – С. 115.

Трубецкой говорит о том же – о цивилизационном, культурном превосходстве Украины над Московией в XVII и XVIII веках. Украина превосходила Россию того времени прежде всего по уровню образования народных масс.

Действительно, Петру I приходилось силой заставлять юных москвитов ехать в иноземные страны для обучения, а на Украине не только дети старшин, но и простых мещан и казаков давно уже совершенно добровольно устремились в чужие края для изучения науки. Геттинген, Бреславль, Кенигсберг, Галле, Лейпциг, Берлин, Киль, Страсбург, Париж, Лондон, Рим – вот где можно было встретить с конца XVII века украинскую молодежь в качестве студентов тамошних университетов, колледжей, академий и школ. До введения в 1770 году Екатериной II на Левобережной Украине крепостного права все эти цивилизационные преимущества сохранялись даже на территории гетманщины. На территории позднейших Черниговской, Полтавской, Харьковской губерний в 1748 году было зарегистрировано в местах расквартирования семи полков 866 народных школ (1 школа на 2500 душ). В это же время в самой Запорожской сечи имела школа на 150 мальчиков.

Отсюда, от более высокого уровня народного образования, и поразительное различие в области правовых понятий и судебной практики. Жестокость пыток, характерная для Московии, а потом для России Петра I, холопское уничижение и равенство всех перед царем в бесправии, суровость, зависимость московских судов, крепостная зависимость вызывали отвращение на Украине того времени. Там часто народный гласный суд избегал налагать полагающиеся по литовскому статусу тяжелые наказания и ограничивался штрафом и церковным покаянием. В инструкции гетмана Д. Дорошенко послам для переговоров с поляками в 1670 году говорится об основании гимназии для украинской молодежи и также свободе печати.

Когда украинские казаки в 1654 году присягнули на верность царю Алексею Михайловичу, они пытались в соответствии с традициями казацких «умов», договоров получить равноценную присягу, равноценные обязательства от московского правительства, на что московский посол В. Бутурлин ответил категорическим отказом. Но именно потому, что переяславская присяга была односторонней, а вовсе не равным договором между царем и Радой, украинское казачество спустя четыре года начало искать согласия с поляками. Показательно, что в Гадечском трактате с Польшей 1658 года уже прописаны обязательства польской стороны перед украинским казачеством. Речь идет о неслыханном в Московской Руси: об открытии на Украине двух университетов, о введении свободы преподавания, свободы исследования, свободы печати, даже в области церковных дел.

Н. Трубецкой тем не менее признавал ту правду, что украинцы видят свою жизнь несколько другими глазами, чем великороссы. Так уж получилось, пишет он, что русские, ведя на протяжении веков борьбу с татаро-монголами за независимость и сохранение своего византийского первородства, сформировались прежде всего как государственническая нация. В украинской же национальной идентификации изначально нет того государственничества, которое характерно для русских. «Для украинцев, – утверждает историк, – государственность большого стиля была чем-то чужим и внешним, ибо она ассоциировалась для них с государством польским, от которого им приходилось обороняться. Развиваясь в постоянном отмежевании от давления государств, они, естественно, были склонны к известному государственному минимализму, граничащему с анархией»⁷.

Действительно, теоретиками анархизма были русские – М. Бакунин, П. Кропоткин. Но создал на основе анархизма регулярную армию только украинец Махно, рекрутируя в нее именно украинских крестьян.

---

⁷ Дорошенко Д. И. По поводу статьи кн. Н. С. Трубецкого. Указ. соч. С. 485.

В отличие от украинцев великороссы как нация «выросли и развились в государственном строительстве, в сознании колоссальных возможностей и миссии государственного объединения, государственность большого стиля была для них национальным делом, национальной миссией, а потому естественным для них (русских. – А. Ц.) являлся известный этатизм, государственный механизм, по необходимости связанный с некоторой жестокостью в государственной власти»⁸.

* * *

Очевидны несколько выводов. Во-первых, требовать от Украины невозможного, что противоречит исходной антирусской природе украинской национальной самоидентификации, – только во вред России. Требовать невозможного, например, интеграции Украины с Россией в рамках Евразийского союза, значит только подогревать прозападные эмоции ее нынешней элиты. Хорошо известно, что антиукраинская риторика бывшего мэра Москвы Ю. Лужкова и одновременно его попытки создавать различного рода «русские партии», вступающие в конфликт с руководством Украины, напротив, до сих пор только способствовали консолидации современной украинской нации, консолидации украиноговорящей Украины с западной.

Во-вторых, еще больше вреда приносят России ее доморожденные специалисты по Украине, которые открыто оскорбляют национальное достоинство украинского народа. К сожалению, в нулевые годы Кремль посылал работать на украинском направлении, как правило, откровенных украинофобов, что вело к осложнению и без того сложных отношений между Москвой и Киевом. Сейчас ситуация меняется в лучшую сторону, но подлинного понимания самой сложности выстраивания прагматичных отношений России с Украиной нет до сих пор. Не учитывая уроки прошлого, мы забыли, что российское донорство в украинскую экономику во время правления Л. Кучмы не подвинуло реальное сближение стран ни на один шаг.

«Мир перемен», № 2, 2013

---

⁸ Дорошенко Д. И. Указ. соч. С. 485.

Как оправдывают колхозы и сталинщину

Учение о «русской цивилизации» может привести к распаду русского мира

В свое время Борис Ельцин со всей своей пламенной страстью желал победы украинских сепаратистов на референдуме 1 декабря 1991 года. Но когда ему говорили, что их победа обернется гибелью России, полным и окончательным распадом СССР, он, усмехаясь, отвечал: ничего, мол, страшного, помяется Украина со своей независимостью и приползет к нам на коленях. Отзвуки этого «глубокого» понимания сущности украинской независимости, этого пренебрежительного отношения к независимой Украине как к чему-то изначально неполноценному я слышал в последние дни в телевизионных комментариях Александра Проханова, Михаила Леонтьева, Сергея Маркова накануне готовящегося подписания Януковичем договора об ассоциации Украины с Евросоюзом.

Украинская доля

Скажу сразу: второй Майдан со всем своим вандализмом – это не только продукт «западенского» национализма и интервенциализма США и Европы, но и продукт очередного русского абсурда, который стал хозяином на нашем государственном телевидении с самого начала всей этой истории с подписанием Соглашения об ассоциации Украины с Евросоюзом. Нельзя же так: и говорить о братстве украинского и русского народов, и при этом с перекошенными от злобы лицами пугать своих «братьев» аннексией Крыма, различного рода проектами распада Украины. Неужели не было понятно, что Александр Проханов без провокаций жить не может, что он сделает все возможное и невозможное, чтобы возбудить ненависть украинцев к России?

Драма, историческая драма состоит в том, что на самом деле все, что происходит сегодня на Украине, находится в полном противоречии с прогнозом Бориса Ельцина. Украинцы действительно маются со своей свалившейся им с неба государственной независимостью. Но каждый очередной политический кризис на Украине не только не приближает ее к России, а, напротив, отдаляет. Надо отдавать себе отчет, что после того, что произошло на Майдане и во всей Украине в последние два месяца, уже нет абсолютно никаких шансов на какие-либо проекты интеграции «нэзалэжной» Украины с «суверенной Россией».

И здесь возникает вопрос: почему так происходит? Ведь на самом деле до сегодняшнего дня Украина сохраняла свою независимость и свою политическую устойчивость именно благодаря экономической помощи России. И было бы опрометчиво думать, что прогноз Ельцина не оправдался только из-за наследников Бандеры и из-за вероломного Запада, который вмешивается во внутренние дела Украины, хотя, действительно, никогда не проявлялся так откровенно политический цинизм США и Запада, как во время нынешнего кризиса на Украине. Но все дело в том, что и агрессия «западенцев», и вероломство Запада ложатся на благодатную для них психологию значительной части этнических украинцев.

К сожалению, сейчас, спустя двадцать два года после распада СССР, Украина со своей историей и со своим специфическим национальным сознанием, как недавно писал Леонид Млечин, остается «инкогнито» для политической элиты современной, «суверенной» России. Многие у нас до сих пор думают, что русские и украинцы – это две части одной и той же «разделенной» нации. Мы до сих пор не хотим видеть и знать, о чем писали русские мыслители в изгнании и о чем говорит опыт украинской независимости 1918–1920 годов: «нэзалэжность» для украинцев – это прежде всего независимость от России и страх снова быть поглощенными русским «братским» народом. Об этом, о том, что они не хотят снова стать

«колонией России», говорили многие ораторы, представители украинской интеллигенции с трибуны как раз еще мирного Майдана.

Мы не хотим знать, что, начиная со времен Тараса Шевченко, «нэзалэжность» Украины связывали всегда с независимостью от России. И подобное восприятие независимости сидит в сознании у населения не только Западной Украины, но и Украины Центральной, православной, сидит в сознании всех тех, у кого украинская страшная «доля», страшная судьба ассоциируется прежде всего с муками крепостного права, муками сталинской коллективизации и искусственного голода 1932–1933 годов.

Но если негативное, болезненное отношение к Сталину у украинцев (и Центра, и Юга) было порождено тем, что они называют «голодомором», то антирусские настроения «западенцев», вообще вся бандеровщина порождены прежде всего сталинскими репрессиями 1940 года, в результате которых была уничтожена значительная часть элиты Западной Украины. *Трагедия состоит в том, что на фоне чудовища Сталина население Западной Украины воспринимало в 1941 году чудовище Гитлера как освободителя.* Об этом почему-то наши «специалисты по Украине» никогда вслух не говорят. Мы до сих пор не хотим принимать во внимание, что характерная для Виктора Ющенко трактовка искусственного голода 1932–1933 годов как «голодомора», как геноцида украинского народа родилась еще в советское время, и прежде всего в умах партийной, советской элиты Украины. Посмотрите опубликованные в последние годы дневники руководителей Компартии Украины – Андрея Гиренко и Александра Капто. Олесь Гончар, самый советский из советских писателей Украины, лауреат Сталинской премии, писал: «С какой сатанинской силой уничтожалась Украина... Сталинщина своими ужасами, государственным садизмом превзошла все. Геноцид истребил самые деятельные силы народа. За какие же грехи нам выпала такая доля?». У Олесь Гончара, как и у Тараса Шевченко, «доля» – это прежде всего украинская доля, это страшная доля, и связана она с общей для нас всех русской историей, историей первого и второго, сталинского, крепостного права.

Что нас разделяет

И как только вы начнете всерьез относиться к тому, что лежит в основе украинского национального сознания, осознавать, что эту «страшную долю» украинцы связывают прежде всего с временами пребывания в российском государстве, то вы поймете, почему в их сознании так прочен миф о якобы спасительном европейском, антирусском векторе. По крайней мере, в сознании подавляющей части украинской элиты само понятие «независимая Украина» имеет смысл только тогда, когда их страна хотя бы символически, на словах движется от России в сторону Европы. Правда состоит в том, что за вторым Майданом, особенно сейчас, когда я пишу эту статью, стоит не столько желание интегрироваться в Европу, сколько страх перед возможными политическими последствиями вхождения Украины в Таможенный союз. В этих условиях было просто политическим безумием ставить, как это делал Сергей Глазьев (слава богу, на более высоком государственном уровне об этом речи нет), Украину перед выбором: или Таможенный союз, или европейская интеграция.

Так вот, главный мой вывод состоит в следующем. Состояние российско-украинских отношений зависит на самом деле не столько или, вернее, не только от количества денег, которые мы вливаем в украинскую экономику, но и от интенсивности страха утратить независимость и, самое главное, волю, свободу, в результате новой интеграции с Россией. Очевидно, – и надо учитывать это при выработке нашей политики в отношении Украины, – состояние и интенсивность такого страха во многом зависит от образа современной России, который складывается на сегодняшний день у украинцев. Одно дело – Россия девяностых, которая, как и украинцы, дружно осуждала преступления сталинской эпохи, и совсем другое

дело – современная Россия, где даже иерархи РПЦ связывают русскость целиком и полностью с садизмом сталинской эпохи. И если идея суверенитета РСФСР тогда, в начале девяностых, физически убила русский мир, оставила Россию без юга, без значительной части Новороссии, то сегодня уже идея особой русской цивилизации отделяет нас от Украины надолго, а может быть, навсегда, морально, духовно.

По моему глубокому убеждению, и за идеологией суверенитета РСФСР, и за модным ныне в России учением об особой русской цивилизации стоит утрата современной русской политической элитой инстинкта самосохранения. Не могут украинцы и, конечно, прежде всего украинская национальная элита позитивно относиться к России, среди ценностей которой якобы – повторяю, якобы – нет ни ценности свободы, ни ценности благополучия, ни, самое главное, ценности человеческой жизни. Я ничего не придумал. Прочтите в «НГ-Политика» (21.01.14) статью руководителей Всемирного Русского Народного Собора протоиерея Всеволода Чаплина и Александра Рудакова «О Боге, человеке и цивилизации». Там прямо говорится, что ненавистные украинцам до сих пор колхозы являются «отражением христианского идеала», то есть освящены божественным промыслом. На мой взгляд, это не только духовное безумие, но и политическое. И после этого мы удивляемся, что многие украинцы так страшно боятся снова оказаться в составе России.

Я, упаси бог, не оправдываю вандализма «правого» сектора Майдана, не оправдываю явные преступления молодчиков военизированной «Свободы». Я просто хочу обратить внимание, что антирусские настроения в этой стране имеют не только историческую подоплеку, но и идеологическую, и связаны во многом с тем образом России, ложным образом, который мы сами сегодня себе выдумываем. Как можно было давать Александру Проханову комментировать российско-украинские отношения, Александру Проханову, который известен среднему и старшему поколению современной читающей Украины только тем, что он на протяжении всей своей жизни был певцом сталинского периода? Кто-то о чем-то думает у нас на государственном телевидении?! Как можно выпускать на экран «специалистов по Украине», у которых на лице всегда написано: «Я вру, я врал и буду врать»?

Идеология абсурда

Основное противоречие, кричащее противоречие в нашей политике состоит в том, что, с одной стороны, мы предпринимаем серьезные усилия, чтобы хоть в какой-то степени сохранить, хотя бы духовно, остатки русского мира, который мы сами начали сознательно разрушать в 1991 году, а с другой стороны – создаем непреодолимые морально-психологические препятствия на пути духовного, культурного сближения разорванных частей когда-то целостного русского мира. Ну трудно украинцу, даже не радикалу, не националисту, позитивно воспринять мать-Россию, где всерьез, на высшем уровне обсуждается вопрос: «Имеет или не имеет право население России ставить памятник Сталину». Трудно этническому украинцу, живущему до сих пор поэзией Тараса Шевченко, памятью об ужасах голодомора 1932–1933 годов, позитивно воспринимать современную Россию, где не только убежденные марксисты-ленинцы, но и иерархи РПЦ настаивают на том, что сталинская послевоенная эпоха была «периодом возвращения России к самой себе». Означает ли это, что сталинская Россия, где, как до сих пор помнят украинцы, давали восемь лет за две пригоршни зерна, вынесенного с поля, должна для них стать моральным идеалом? Абсурд.

И, обратите внимание, еще несколько лет назад этого абсурда в русской государственной идеологии не было. К примеру, Владимир Путин в речи на Бутовском полигоне 30 сентября 2007 года оценивал не только сталинский, но и ленинский период советской истории точно так, как упомянутый выше Олесь Гончар. Он говорил о том, что на практике реализация «пустой на поверку идеи», коммунистической идеи, когда игнорировалась ценность

человеческой жизни, ценности прав и свобод человека, была, по сути, геноцидом против всего русского народа. Путин говорил о том, что масштаб этой трагедии «колоссальный: сотни тысяч, миллионы человек погибли». До настоящего времени ни один государственный деятель в России не связывал русскость со сталинщиной. Напротив, к примеру, тот же Путин еще совсем недавно отделял русскость от советскости, настаивал на том, что «Катынь – это преступление тоталитарного режима». То есть совсем недавно Путин (я уже не говорю о Медведеве) косвенно подтверждал, что Сталин совершил преступление против человечности. А сегодня даже у Путина в речах появляется словосочетание «государство-цивилизация», «страна-цивилизация».

Правда, слава богу, пока нет оснований считать, что Путин не связывает нашу страну-цивилизацию со свободой, с правами и ценностями личности. И, самое главное, к счастью, нет оснований считать, что Путин, как и нынешние идеологи особой русской цивилизации, отрицает самоценность человеческой жизни, отказался от христианского «не убий». Нет оснований считать, что Путин сегодня вкладывает в понятие «русская цивилизация» такой же смысл и такие же ценности, какие вкладывает в него Святейший Патриарх Кирилл. Хотя надо осознавать, что если, не дай бог, Путин сделает уступку адептам идеологии особой русской цивилизации и свяжет, в соответствии с ней, русскость с советскостью, то негативные политические и моральные последствия будут велики. Если русскость и советскость, как утверждают идеологи особой русской цивилизации, – это тождественные понятия, то тогда русским надо нести ответственность и за Катынь, и за все преступления, которые были совершены создававшимися при нашей поддержке прокоммунистическими властями Восточной Европы. Но, видит бог, никто всерьез уже в России не станет воспринимать Путина, который вслед за нынешними идеологами особой русской цивилизации будет говорить, что русские являются русскими только до тех пор, пока они полуголодные и «живут на минимуме материальных благ». На мой взгляд, вообще неприлично обвинять, как это делают некоторые идеологи особой русской цивилизации, население России в потребительстве, обвинять в потребительстве нацию, которая почти сто лет, по крайней мере начиная с 1917 года, недоедала, голодала, десятилетиями мучилась от советского дефицита.

* * *

Повторяю, что попытки превратить модное ныне в России учение об особой русской цивилизации, согласно которому, цитирую дословно, «советский строй – это реализация цивилизационного проекта, рожденного Россией и лежащего в русле ее истории и культуры», в государственную идеологию, нанесут огромный вред нашей стране. Если в свое время идеология суверенитета РСФСР убила СССР как историческую Россию, то идеология якобы особой и якобы коллективистской русской цивилизации начисто убивает какую-либо возможность сохранить русский мир, и прежде всего – как православный мир. Нельзя не видеть то, о чем не принято говорить сейчас в России: благодаря второму Майдану не только униаты, но и независимая украинская православная церковь Филарета укрепили свои позиции, по крайней мере в Киеве. Нельзя не видеть, что чем больше мы здесь, в России, будем настаивать, что сталинская советская система была выражением духовной сути русской нации, тем благодатнее будет морально-психологическая почва для пропаганды русофобии на Украине.

НГ, 05.02.2014

Дмитро Ярош и мистика российской истории

Мои совсем несвоевременные мысли

Я говорю о Дмитрии Яроше не как о бандеровце, не как об украинском националисте и даже не как об участнике боев с российской армией в Чечне. Дмитрий Ярош для меня – собирательный образ, олицетворение той слепой случайности, той злой воли, которая играла и продолжает играть большую роль в нашей русской судьбе. Посудите сами, не было бы Дмитрия Яроша с его «Правым сектором» и с его готовностью умереть, не было распада так и не состоявшейся до сих пор украинской государственности, не было бы у Путина соблазна присоединить Крым к РФ, вызванного распадом современной Украины, не было бы нынешней угрозы прямого вооруженного столкновения украинцев с русскими, не было бы нового издания холодной войны, и т. д. и т. п. Кстати, в этот момент, когда я пишу эти строки, Рада объявила о частичной мобилизации на Украине, а CNN берет интервью у представителей украинской интеллигенции, готовых «воевать» за независимую Украину.

Повторяю. Душа этого человека, Дмитрия Яроша, не вызывает у меня никакого интереса. Все они, борцы с «самодержавием», устроены одинаково. Хотя для понимания того, что происходило и, наверное, будет происходить на постсоветском пространстве, было бы интересно выяснить, почему этот человек, в прошлом – молодой рабочий из совсем советского Днепропетровска Днепропетровской области, представитель не Западной, а Восточной Украины, бывший советский военнослужащий, не просто стал русофобом, а стал рисковать своей единственной жизнью во имя того, чтобы помочь врагам России. *Американскими деньгами невозможно объяснить природу русофобии, которая живет и процветает на постсоветском пространстве.*

Вся эта история с Дмитрием Ярошем, вообще с бойцами «Правого сектора», говорит о том, что все же сначала было украинское национальное сознание, вырастающее из родной мовы, из украинского языка, а потом уже – сакрализация Степана Бандеры как национального героя, как борца за независимую Украину. Вся эта идеализация Бандеры, конечно, от бедности своей украинской национальной истории. Но теперь уже, после того, что произошло на Майдане, после возникшей опасности прямого вооруженного противостояния русских и украинских солдат, очевидно, что на самом деле украинская идея – это самая что ни на есть антирусская идея. Теперь вышесказанное – медицинский факт. Теперь уже, после неизбежного присоединения Крыма к России, «разделенный народ», как раньше любил говорить Путин, превращается в противостоящие друг другу нации. Еще немного, и мы начнем воспринимать друг друга, как сербы хорватов и, наоборот, как хорваты сербов.

Я – о случайности в российской истории, ибо, не будь заявления соратника Дмитрия Яроша, сотника самообороны Майдана, 26-летнего Владимира Парасюка, прозвучавшего в тот момент, когда вечером 20 февраля 2014 года Виталий Кличко докладывал на сцене Майдана о результатах договоренностей между Януковичем и оппозицией, то, наверное, все бы вернулось на круги своя, и целостная Украина после очередных президентских выборов продолжала бы по-старому лавировать между Россией и Западом. Но этот 26-летний парень не согласился с результатами переговоров, возбужденно выскочил на сцену, перебил Кличко и закричал, что если к десяти часам утра «зек не пойдет вон», то они, «Правый сектор», пойдут «с оружием в руках штурмовать» резиденцию Януковича. А дальше все пошло-поехало по новому сценарию и украинской, и русской истории. Янукович услышал, испугался крови и убежал из Киева. В столице Украины начался хаос безвластия, крымчане действительно испугались пришествия на их землю бандеровцев, а дальше все, о чем я уже говорил: Путин решил воплотить в жизнь давний проект Лужкова и Затулина. Я уже не говорю о том, что с присоединения Крыма к России все только начинается. Лично я понимаю, что многое в

действиях Путина вытекало из объективной обстановки, складывающейся на Украине. В конце концов, он прав: Запад, заигрывая с Майданом, сам стимулировал распад Украины. Их аналитики еще меньше знают о реальной Украине, чем наши собственные «специалисты». Но все мы оказались в водовороте событий, и чем все это кончится – никто не знает. Если честно, то *с моей точки зрения для позитивного сценария шансы есть, но они совсем невелики*. И все, что было спровоцировано «Правым сектором» Майдана, и образование новой украинской и новой русской нации – это только начало полного и окончательного распада складывавшегося по крайней мере три столетия русского мира, распада, начало которому (о чем все забыли) положило объявление в июне 1990 года Верховным Советом Съезда народных депутатов своего суверенитета, суверенитета РСФСР. Русский мир продолжает распадаться по сценарию, который был заложен в эти годы. Понятно и очевидно, я уже повторяюсь, что после всего, что произошло в Крыму накануне референдума 16 марта, после всех тех унижений, которые выпали на долю украинских военных в Крыму, которые остались верны своей присяге, так называемый раскол русского мира стал неизбежным. Эта сцена, когда растерянные молодые украинские солдаты через решетку ворот своих казарм смотрят на окруживших их русских десантников, наверное, навсегда останется в памяти украинского народа. Кстати, я обратил бы внимание на статью Андрея Кураева в «Московском комсомольце», где он всерьез пишет, что события в Крыму и вообще на Украине могут привести к тому, что православный Киев может окончательно распрощаться с Москвой, и вместе с приобретением Крыма будет утрачено складывавшееся веками единство русской православной церкви. По крайней мере, обращает на себя внимание, что киевский Синод Украинской православной церкви Московской патриархии однозначно осудил так называемые «злодеяния» государственной власти, то есть осудил Януковича и одновременно заявил о том, что он выступает «за сохранение целостности украинской державы».

Как советский интеллигент, испытывавший отвращение ко всей советской пропаганде, изобличающей на протяжении десятилетий «происки американского империализма», не могу не сказать, что и сегодня мы создаем очень поверхностный, односторонний образ событий, происходящих на Украине. Мы, как я уже пытался показать, ничего не говорим о неизбежных негативных последствиях нашего праздника единения Российской Федерации с Крымом. Мы все же преувеличиваем ксенофобию и националистические страсти боевиков Майдана. Ведь на самом деле националистический «Правый сектор» на смену политикам-украинцам привел космополитов. Теперь во главе Украины стоит одессит Яценюк, украиноговорящий русский Турчинов и, самое главное, армянка Юлия Тимошенко. Кстати, в ненависти Дмитрия Яроша к белорусу Януковичу, о чем свидетельствует его интервью нашей «Новой газете», нет ничего этнического. Он, этот боевик, ненавидит Януковича чисто классово-ненавистью эксплуатируемого к эксплуататору. И совсем не случайно экономическая программа «Правого сектора» почти дословно переписана из экономической программы КПРФ Геннадия Зюганова. Здесь и возвращение национальных богатств народу, и отмена частной собственности на землю и лесные угодья, и т. д. и т. п. *Надо понимать, что радикализм среди славян чаще всего связан с «левой» идеей*. Не очень объективно мы оцениваем и природу нынешней украинской власти. На самом деле Верховная Рада состоит из тех же депутатов, которые были легально избраны в 2011 году. Перемены произошли просто из-за того, что 12 депутатов бывшего премьер-министра Тигипко отказались от коалиции с «Партией регионов» и перешли на сторону «Батькивщины». И никто на самом деле не виновен, что Янукович струсил и фактически отказался от своей власти. И надо понимать, что если действительно растущее с каждым днем у многих этнических украинцев разочарование в своей слабой и никчемной государственности не заморозит боль от унижений, идущих от «старшего брата» в последние дни, то неизбежно укрепление антирусской основы украинской национальной идентичности. Надо понимать, что православное украинское нацио-

нальное сознание – это сознание крестьян, страдающих от своей крепостной доли. В советское время к сознанию своей тяжелой украинской доли крестьян-рабов прибавилась память о муках так называемого голодомора. А теперь еще – унижение и переживания от решения «старшего брата» вернуть себе после шестидесяти лет Крым. С российской точки зрения, все, что сейчас происходит, – это восстановление исторической справедливости, а с украинской – это сплошной беспредел. Сначала эти русские, как это было в 1991 году, выталкивают СССР из СССР, чтобы самим владеть запасами газа и нефти, а теперь, когда они разбогатели, они используют уже свое военное преимущество, чтобы вернуть себе «жемчужину Черного моря». И там правда, и здесь правда. И в этом – весь драматизм ситуации. И в результате, если еще, не дай бог, произойдет вооруженное столкновение между российской и украинской армией, начнет формироваться уже общее и для униатской и для православной Украины антирусское национальное сознание. И тогда остатки бывшей СССР начнут ускоренными темпами двигаться на Запад, сожалея еще раз о том, что они не послушались в свое время Виктора Ющенко и не бросились в объятия НАТО.

И надо понимать, чего еще не осознали в новой, объединенной с Крымом России, что «Правый сектор» создал не только новую, антирусскую Украину, но и новую русскую нацию, нацию, живущую уже по законам военного времени, *по законам осажденной крепости*. Надо понимать, о чем образно, но, на мой взгляд, предельно близко к истине написал обозреватель «МК» Михаил Ростовский. Присоединив Крым к России, «Россия под руководством Путина не просто наступила на любимую мозоль Запада, мы переехали Западу „ногу“ на многотонном „КамАЗе“, а потом развернулись и переехали еще раз. Нынешний кризис не может завершиться по формуле „пошумели, поругались, разошлись, стали жить дальше“». От себя добавлю: наличие у России ядерного оружия помогло нам, по крайней мере на первом этапе, безболезненно, без особых рисков присоединить Крым к России. *Но то же ядерное оружие провоцирует у Запада страстное желание во что бы то ни стало ослабить, уничтожить эту непредсказуемую Россию, «с ее непредсказуемым лидером»*. Я слышал эту фразу не один раз на CNN в последние дни, и все это серьезно. Мы действительно вступили в новую эпоху развития России. Мы превратились в нацию, которая, защищая свои (с нашей точки зрения) национальные интересы, вступила в долговременный, затяжной конфликт с Западом. Все верно. Сначала последствия экономических санкций не будут сильно сказываться на внутренней политической стабильности. Но по мере того, как консолидация народа и власти, вызванная соединением Крыма с Российской Федерацией, будет ослабевать, будет расти недовольство, связанное с неизбежной утратой существующего сейчас уровня благосостояния. И так далее, и так далее. Я согласен с тем, что после референдума 16 марта назад дороги нет, что лучше страдать, сохранив свое достоинство и честь, чем страдать, будучи к тому же униженным и оскорбленным в своих чувствах. И только политики, не имеющие ума, а может, и совести, могут уверять народ, что и на этот раз все обойдется, что никаких серьезных санкций не будет, что нас вместе с Крымом ожидает счастливое будущее.

Надо понимать, что Дмитрий Ярош со своим «Правым сектором» создал не только прозападную, антирусскую украинскую нацию, которая уже сейчас во всех своих бедах обвиняет Россию, но и новую, очень прокоммунистическую русскую нацию. Надо видеть, что в России в последние дни вместе с ростом желающих объединиться с Крымом (два месяца назад их было всего 35 %) росли просоветские настроения. Праздник объединения Крыма с Россией сегодня у нас празднуется чисто по-советски, как День победы 9 мая. Теперь уже окончательно главным героем новой России становится вождь наших побед товарищ Сталин, о чем мы слышим в последние дни на телевидении. Нельзя не видеть, что за стремлением вернуть в Россию Крым стояло не дореволюционное понимание России и русскости (в рамках этого сознания вся Новороссия, и прежде всего Одесса, является неотъемлемой

частью России), а советское сознание русскости, связывающее понятие Россия с границами, созданными большевиками РСФСР.

Я, честно говоря, не вижу у России возможностей в условиях новой конфронтации с Западом сохранить себя, ответить на новые вызовы без восстановления цензуры и железного занавеса, без отмены права на эмиграцию. Очевидно, что наш креативный класс, который и без всякой новой «холодной войны» думал о том, чтобы «свалить из России», вряд ли захочет жить в стране, будущее которой стало крайне неопределенным. И получается, что Дмитрий Ярош со своим «Правым сектором» создал не только новую Украину, где нет места тем, для кого Степан Бандера никогда не станет национальным героем, но и новую Россию, где придется молчать всем тем, для кого Ленин и Сталин остаются заурядными палачами. Кстати, без всякого противостояния с Западом, по новому закону всем тем, кто, как я, утверждает, что Сталин был палач страшнее Гитлера, ибо он убивал своих, а тот чужих, уже полагается двухгодичный срок.

И последнее, почему меня потянуло на философские размышления о русской истории, и откуда этот пессимизм, которым дышит, наверное, эта моя статья. Но ведь действительно, если посмотреть на происходящее в контексте нашего страшного русского XX века, то история повторяется. Мы все время ищем себе на голову новые приключения, не способны нормально жить и развиваться, не способны строить, созидать без надрыва, без мобилизационной экономики, без тягот и лишений. Все-таки все поразительно зыбко, неустойчиво в нашей русской истории. Нам быстро надоедает нормальная, спокойная жизнь, и мы дружно, как настоящие самоубийцы, ломаем все устоявшееся, ищем конфликтов, а на самом деле просто смерти.

Честно говоря, и это не преувеличение, я смотрю на все происходящее не только как человек, вся основная жизнь которого пришлась на годы «холодной войны», но и как глубокий старик, как будто живущий второе столетие. Моя беда, а может быть, мое счастье состоит в том, что мои дедушки, которые меня воспитывали в детстве и отрочестве, влили в мое сознание свою собственную историческую память. Отец моего отца, отставной чекист, полурусский-полулатыш Леонид Дзегудзе, был 1890 года рождения. Отец моей матери Еремей Ципко, крестьянин из Проскурова, ровесник Сталина, был 1880 года рождения. Так вот, поразительно, они, «красные», никогда ничего не рассказывали о революции, а только о том, что они потеряли, что было в николаевской России. Первый, интеллигент, все время рассказывал о своей прабабушке, дочери адъютанта Суворова Андриана Денисова, которая умерла у него на руках в Киеве в 1924 году в возрасте 104 лет, и, естественно, о воинских подвигах своего прадеда-генерала. А второй дед, Ципко, по поводу и без повода, рассказывал о голоде 1901 года в его родной деревне Ольшаны под Каменец-Подольском и о том, как он был счастлив, что в конце концов попал в сытую Одессу. Кстати, они почему-то настойчиво (теперь я понимаю, почему) внедряли в мою голову все эти события в их жизни, которые имели отношение к российской истории. Кстати, и дед Леонид, и дед Еремей очень гордились тем, что судьба свела их в разное время с Максимом Горьким. Первый показывал мне фотографию 1912 года, на которой он сидит рядом с Горьким у него на вилле на Капри, тогда дед Леонид учился на инженерном факультете Неаполитанского университета. А второй, дед Еремей, рассказывал мне о том, как они вместе с Горьким в 1901 году работали грузчиками в одесском порту и вместе ходили в «обжорку», где обед стоил всего 18 копеек. И почти каждый вечер, когда я был рядом с ними, то с первым, то со вторым, они говорили о прошлом как об утерянном рае. И мое сознание все-таки политизированного ребенка пронизывала их болезненная ностальгия о той России, которая по их вине была утрачена ими навсегда.

Я вспомнил о своем, о личном, о сидящей во мне, благодаря моим дедушкам, памяти о дореволюционной России для того, чтобы объяснить, почему все, что происходит сейчас и на Украине, и в России, вызывает в моем подсознании почти животный страх. На фоне того,

что пережили последние четыре-пять поколений русских людей, ничего нового нет. Наша русская, все-таки страшная судьба толкает нас неумолимо опять в новую чрезвычайщину, в новые испытания. Наверное, у всех народов власть здравого смысла зыбка и легко отступает перед напором тех, кто, как Ленины, Яроши, ищет бури, под напором различных мечтателей, готовых умереть за свою «идею», а иногда просто под напором авантюристов. Но ведь у нас, русских, беда не только в том, что власть здравого смысла зыбка, что все всегда держится на волоске, но и в страсти постоянно шарахаться из крайности в крайность. Нет у нас никакого инстинкта самосохранения. Сначала, в 1917 году, в России многим вместе с большевиками захотелось создать мир, которого никогда не было, мир без частной собственности, рынка, эксплуатации человека человеком. Через семьдесят лет русские с таким же страшным рвением начали ломать только что устоявшийся социализм и строить заново капитализм. Но этого оказалось мало. Вместе с советской экономикой именно русские, воодушевленные идеей суверенитета РСФСР, начали уничтожать создававшийся четыре столетия русский мир, оставив Крым, Одессу, сознательно отказавшись от результатов всех наших военных побед. Но не прошло и четверти века, как те же русские (примером тому Геннадий Зюганов) со всей решимостью начали восстанавливать разрушенный ими русский мир и, не думая о последствиях, присоединять к РФ Крым. И никто не знает, что в этом решении от действительно проснувшегося русского патриотизма, а что – от неистребимой русской страсти самим создавать на своем пути непреодолимые преграды к нормальной человеческой жизни, нормальному человеческому счастью.

И самое главное. Опасность состоит в том, что у нас самих очень много тех, кому, как бойцам «Правого сектора», скучно так просто жить и работать, кто ищет бури и готов идти на все, лишь бы на дыбы встала их страна. Надо понимать, что чрезвычайное политическое положение, возникшее в стране после присоединения Крыма, на руку тем, кто жаждет бури, кто мечтает о своем русском Евромайдане, о свержении ненавистного им «режима Путина». И как только те, кто с утра до вечера занят проблемой выживания, поймут, что возникшее в результате неизбежных санкций снижение прежнего уровня жизни – надолго и всерьез, что от присоединения Крыма пострадали прежде всего они, простые смертные, а не олигархи, то наступит час наших собственных Ярошей. Дай бог, чтобы на этот раз я ошибся, чтобы на этот раз мой пессимизм не оправдался. Не было у меня никакой радости от того, что я первый в 1990 году сказал, что суверенитет РСФСР убьет Россию, и мой прогноз оправдался. Надеюсь, что на этот раз мои пессимистические настроения не имеют под собой почвы.

17.03.2014⁹

---

⁹ Это тот редкий случай, когда моя любимая «НГ» отказалась опубликовать мою статью.

Конспект книги Сергея Щеголева «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма»

(Киев, изд. Товарищества И. Н. Кушнарев и К^о, Караваевская № 5. 1912 год)

«Под южнорусским сепаратизмом или отщепенством мы разумеем попытки ослабить или порвать связь, соединяющую малорусское племя с великорусским. По тем средствам, с помощью которых сепаратисты стремятся к достижению своей цели, мы можем различать сепаратизм политический (государственная измена гетманов Выговского и Мазепы) и культурно-этнографический или украинофильский (Максимович, Костомаров и, пожалуй, Кулиш)».

«В 1360 году литовский князь Ольгерд присоединил к Литве Черниговское княжество, через три года – Подолию и Киевскую землю, а в 1377 году – Волынь; в 1386 году превратилась в польскую провинцию Галицкая Русь. Литовско-русское государство уже в начале XV века, после сейма в Городле, открывшего широкое поле для окатоличения высших классов, стало в лице многочисленных русских православных бояр как малорусского, так и белорусского происхождения тяготеть к Москве и искать у нее помощи».

«Допуская, что Богдан был не столько сознательным, сколько стихийным орудием воссоединения Малороссии, невозможно не видеть во всех его действиях и начинаниях сепаратизма *антипольского* – противоположность *антимосковскому* сепаратизму полонофила Мазепы, который «был воспитан в польских обычаях и считал польское государственное устройство наилучшим»¹⁰.

«В начале 1825 года состоялся в Житомире съезд польских и русских заговорщиков, под именем «славянского собрания». Из русских были здесь, в числе прочих, Сергей и Ипполит Муравьевы-Апостолы и поэт Рылеев. В этом заседании поляк Фома Падурра доказывал необходимость «для дела общей свободы» восстановить независимость Малороссии, изъявив готовность в таком направлении вести пропаганду в народе, напоминая ему его прежнюю «козацкую славу». Все присутствовавшие – и поляки, и русские – одобрили эту мысль. За выполнение ее принялся помещик-украинофил Вацлав Ржевусский, называвший себя «атаманом Ревухой»; вместе с Падуррой он принялся за распространение среди южнорусского населения мысли о независимости Малороссии. Позднее он основал в Саврани «школу лирников»; к составляемым Падуррой тенденциозным песням Ржевусский сочинял музыку; когда их лирники были подготовлены, они пустили их в народ; туда же пошел и сам Падурра с лирою в руках».

«Как уверяет польский писатель Л. Яновский, в начале царствования Александра I «в Харькове и Полтаве у некоторых ожили *планы отдаления* левобережной Малороссии *от России*; планы эти нашли себе выражение в *полтавской масонской ложе* „Любовь к истине“, где играл заметную роль (творец „Энеиды“) Котляревский».

«Наиболее видными из старших представителей украинофильства были Костомаров, Шевченко и Кулиш. В 1846 году они образовали тайный панславистский республиканский кружок по имени Кирилло-Мефодиевского братства и в основу программы положили федерацию автономных славянских штатов, из числа коих назовем: 1) белорусский, 2) польский (этнографич. Польша), 3) западный малороссийский (часть Галиции и Юго-западный край)

---

¹⁰ М. Грушевский.

и 4) восточный малороссийский. Кроме России, предполагалось пригласить также Чехию, Болгарию и Сербию. Все столицы (в том числе Петербург и Москва) упраздняются. Сейм собирается в Киеве, где резиденция президента республики. Россию предполагалось разделить на 14 частей, не считая автономной Польши. По оценке М. Грушевского, братство (иначе «Кружок Шевченко») противопоставляло самодержавному режиму идею свободной славянской федерации, это было возобновлением федеративных идей «Соединенных Славян» 1820-х годов («Славянское собрание» в Житомире), но с той существенной поправкой, что принцип национальной федерации проводился теперь и внутри восточного Славянства».

«Не была свободна поэзия Шевченко и от польских влияний и даже воздействий. Покойным киевским профессором Н. И. Дашкевичем было доказано, что поэзия Шевченко раннего периода находится в теснейшей связи с польской литературой, с произведениями, особенно революционными: Мицкевича, Чайковского, Залесского и Гошинского. Влиянием некоторых польских писателей он склонен объяснять «антимосковское» настроение Шевченко. По мнению польского публициста Василевского, политические стихотворные памфлеты «Сон» и «Великий Лех», а также многие мелкие стихотворения Шевченко написаны под очевидным влиянием мицкевичевских «Дзядов» и «Книг пилигримства». Не следует забывать, что накануне польского восстания 1831 года шестнадцатилетним юношей Шевченко проживал в Вильно и Варшаве, где восприимчивое воображение его впитывало, как губка, революционные настроения польской молодежи: ненависть к «Москве», к царской власти вообще, а в частности к императору Николаю Павловичу. Семевский также склонен думать, что ненависть к русскому правительству должна была поддерживаться в Шевченко некоторыми произведениями Мицкевича, которыми он зачитывался, как, например, «Dziady»; эта мысль косвенно подтверждается тем, что отправившийся за границу в 1847 году член кирилло-мефодиевского общества Савич передал в Париж Мицкевичу, по поручению Шевченко, его поэму «Кавказ».

«„Две русские народности“ сливались, в глазах Костомарова, в высшее национальное „единство русского народа“. Деля русскую историю на периоды, он от Киевского периода переходил к владимирскому и московскому, что с точки зрения современной украинской партии является страшной ересью; в своих характеристиках малорусского племени Костомаров неоднократно подчеркивает его неспособность к политической жизни и высказывает уверенность, что воссоединение Малороссии с Россией закончило навсегда самостоятельную политическую карьеру Малороссии. Современный украинский историк проф. М. Грушевский укоряет Костомарова и за то, что он, работая над историей казаччины, не становился на точку зрения „украинских интересов“: резко осуждал Хмельницкого за его переговоры с Турцией после 1651 года и неуважительно отзывался о гетманах Выговском, Дорошенко и Мазепе, говоря, что масса казачества не шла «за этими господами, когда они являлись противниками и врагами царя». Не одобряет г. Грушевский Костомарова и за то, что последний объясняет позицию малорусских народных масс „инстинктивным чувством“, повелевавшим всегда и при каждом случае держать сторону русского правительства».

«Украинофильство польских писателей соединялось с чисто-польской точки зрения на прошлое малорусской народности; они останавливались на тех моментах, когда она действовала заодно с поляками. Казак польских украинофилов был казак на службе у Речи Посполитой. Увлечение малорусской народностью и казачеством создало среди поляков политическое направление так наз. „казакофильство“ или „хлопоманию“. Это было демократическое течение, особенно развившееся среди польской молодежи перед последним польским восстанием. В 1851 году польским эмигрантом Михаилом Чайковским, принявшим ислам и

известным более под именем Садыка-паши, была в Турции сделана попытка восстановления Запорожской Сечи, с тем же польско-казацким оттенком, какой носили казаки в произведениях польско-украинской школы. Восстановленная Сечь должна была, по мысли Чайковского, служить возрождению Польши. В войну 1853–56 годов Могаммед-Садык Чайковский боролся со своими „казаками“ в турецких рядах против России.

В начале шестидесятых годов усилились со стороны поляков попытки разжечь в юго-западной Руси украинофильское движение для использования его в своих польских целях. Готовясь к мятежу, поляки усердно культивировали южнорусский сепаратизм, ибо знали свое слабосилие и рассчитывали руками и боками малороссов побороть Россию и восстановить Польшу».

«Неудивительно, что аппетиты украинофилов разыгрались: некоторые из них стали добиваться введения малорусского языка в школы на Юге России уже не как вспомогательного, а как главного. Министр Головнин шел и этому преступному требованию навстречу, но честь народного просвещения была спасена другими ведомствами».

«20 января 1863 года состоялось Высочайше одобренное распоряжение министра внутренних дел Валуева о приостановке печатания книг религиозных, популярно-научных и учебных на малорусском языке, так что применение этого языка оказалось разрешенным лишь для изящной словесности. На протест со стороны украинофильствующего Головнина Валуев пишет (в июле 1863 года), что, по его мнению, *замыслы малороссов* (склонных к литературному сепаратизму) не только *совпадают с намерениями поляков*, но и чуть ли не *вызваны польской интригой*. В упомянутом распорядительном циркуляре Валуева (по цензурному ведомству) высказывается подозрение, что украинское движение инспирируется „политическими замыслами Польши“ и базируется на „*сочиняемом*“ некоторыми малороссиянами так называемом *украинском языке*».

«Московское царство, поясняет Драгоманов, выполняло и наши национальные задачи, с тех пор как история сложилась так, что мы сами для себя не могли их выполнять; такими задачами были освобождение нашего края от ига татарско-турецкого и от подданства польского. „Я прошу кого угодно, – иронически восклицает женеvский эмигрант, – представить себе культурную Украину с набегами татар за ясырем (на Полтавщине это было еще в 1739 году), с турками в Азове и на лиманах, без Одессы, Таганрога и т. д. <...> А если так, то нужно же признать, что *московское царство все-таки выполнило элементарную географически-национальную задачу Украины*“».

«В тридцатых и сороковых годах постепенно росло в Галиции сознание кровного родства местного населения и его речи с русским народом и русским книжным языком; талантливым апостолом такого сближения был наш знаменитый историк М. Погодин, посетивший Львов в 1835, 1839 и 1842 годах. Еще большее значение имело, несомненно, прохождение через Галицию в 1849 году русской армии (венгерский поход), когда народ услышал родную и понятную для него русскую речь. Если бы не упомянутое давление австрийского правительства, то русская культура пустила бы в Галиции корни гораздо глубже, нежели это случилось на деле».

«Еще более определенно высказывается по этому поводу современный сотрудник М. Грушевского М. Возняк: по его убеждению, даже в первой половине XVII века все говоры Галичины принадлежали к северно-малорусскому поднаречию, и лишь во время казацких войн туда привнесены были южно-малорусские элементы».

«В 1910 году кандидатом украинской партии в Галиции Лагодинским была опубликована речь, произнесенная на предвыборном собрании; оратор приглашает галичан „организовать восстание малороссов в России, чтобы пробить окно в великой... тюрьме народов“. Осенью 1911 года член венского парламента Сенгалевич произнес, при открытии памятника писателю Маркиану Шашкевичу на его родине, перед толпой делегатов и селян, публичную речь, представляющую, так сказать, квинтэссенцию ирредентизма. Украинцы, по словам оратора, стоят теперь исполинской толпой в *тридцать миллионов*, оживленные одним огненным лозунгом „Свободная Украина“. Огонь разгорается по всей Украине... у всех есть непреклонная вера в будущность народа во *всеукраинской совокупности и объединении*. Кончая речь, оратор призывает идти неустрашимо в освободительный бой.

Член венской палаты депутатов и профессор львовского университета Днестрянский, в речи на партийном митинге в м. Куликове (в Галиции) 15 октября 1911 года заявил, что „украинцы“ стремятся с помощью австрийского правительства исправить ошибку великого Богдана, именно – оторвать Украину от москалей и основать свое особое украинское королевство».

«На стр. 14 Записка ставит в вину ограничениям 1863 года „ненаступление полного расцвета малорусской письменности во всех родах, выработки единого малорусского литературного языка, осмысленного первоначального обучения малорусского простого народа посредством родной его речи“. <...>

«На странице 16 записки мы читаем, что в 1859 году „некоторые из украинофилов добивались даже введения малорусского языка в украинские школы уже не как вспомогательного, а как главного, и в поддержку этим требованиям в журнале министерства народного просвещения (при министре Головнине) была напечатана статья Львовского о самостоятельности малорусского языка“. <...>

На стр. 18 Академия Наук устанавливает, что к 1863 году малорусский язык „уже испытал себя на всех поприщах“. Такая аттестация, даже в применении к тем немногим поприщам, на которых малороссы действительно испытали свои силы, верна лишь постольку, поскольку речь идет об испытании, ибо результаты последнего нельзя, как мы увидим, причислить к удовлетворительным. <...>

Касаясь (стр. 36–37) Закона 1876 о разрешении печатания „по-малорусски“ произведений изящной словесности, а также исторических документов и памятников, Записка странным и непонятным образом допускает объединение под термином „малорусский язык“ трех совершенно различных понятий. В эту рубрику зачисляет она, во-первых, книжный язык Западной Руси, развившийся на древней общерусской основе, воспринимавший в XIV–XVII веках малоруссизмы, белоруссизмы и полонизмы, оставивший много документов и с XVIII века отчасти вытесненный московской книжной речью, отчасти слившийся с ней. Во-вторых, малороссийским языком Записка называет (и совершенно справедливо) литературную обработку (или воспроизведение) народных малорусских говоров, начиная от виршей и интермедий XVII–XVIII века и продолжая произведениями Котляревского, Квитки, Шевченко, Кулиша и др. (до 1876 года)».

«Резолюции в пользу „украинских кафедр“ приняты были осенью 1905 года сходками студентов-„украинцев“ сперва петербургского, а потом новороссийского университетов. Вскоре, однако, все университеты были закрыты на целый год, и лишь осенью 1906 года украинское студенчество возобновило свои домогательства, коим предшествовали аналогичные ходатайства харьковской, черниговской и полтавской городских дум и советы трех университетов Юга России. Застрельщиками оказались, на этот раз, киевские студенты; кроме малороссов, в этой агитации принимали систематическое участие студенты-поляки и семиты (в числе последних убийца статс-секретаря Столыпина – Мордко Богров). <...>

Киевская студенческая сходка высказалась за желательность „украинизации всех трех университетов, находящихся на территории украинского народа“, а *на первое время* ограничилась подачей ректору петиции об учреждении кафедр украиноведения (литературы, истории, языка и права); под петицией, которая побывала еще на нескольких студенческих сходках, собрано 1430 подписей. Местная партийная газета печатала коллективные сочувственные студенческим домогательствам письма, за подписями преимущественно учеников среднеучебных заведений и учителей народных школ, а также крестьян и рабочих; всего таких подписей было, будто бы, более десяти тысяч. Солидарно с киевским студенчеством выступили с требованием учреждения украинских кафедр слушательницы женских курсов в Петербурге и Киеве и студенты университетов в Харькове, Одессе, Петербурге и Москве. Ответы получились по всем петициям отрицательные, а кое-где и вовсе не были даны».

«Попытки „украинских“ авторов экспроприировать всю древнерусскую литературу и налепить на ее памятниках украинские ярлычки нашли себе еще в 1894 году оценку в отзыве проф. М. Драгоманова. „Иногда причисляют к украинской литературе, – пишет Драгоманов, – старые *памятники дотатарской эпохи*; но эти памятники (Нестор и др.) *писаны были языком старо-болгарским, а не украинским*, к тому же они очень *подкрепляют «общерусские» теории*, ибо переписывались не меньше в Новгороде и Суздальском княжестве, чем в Киевском, а некоторые только на Севере и сохранились. *Это вопрос, с которым нужно быть весьма осторожным*“».

«Приведенные рассуждения едва ли оставляют место сомнению в том, что сине-желтый цвет, по традиции от галицко-волинской (якобы украинской) державы, а также от эпохи гетманщины и гайдамащины, избран украинской партией в качестве национального символа и лозунга „Соборной Украины“. Примеров использования этих цветов при украинских манифестациях в России и за кордоном легко найти много в текущей прессе; мы ограничимся лишь несколькими».

«Из $22\frac{1}{3}$ миллионов малороссов, числившихся в Империи по последней переписи 1897 года, на Малороссию, Новороссию и Предкавказье падало около $18\frac{1}{4}$ миллионов. В Правобережной Малороссии, то есть трех губерниях Юго-Западного края, было $7\frac{1}{3}$ миллионов малороссов при 400 тысячах великороссов, что соответствует отношению 18:1. В Левобережной Малороссии (губ. Черниговская, Полтавская и Харьковская) на $6\frac{1}{5}$ мил. малороссов приходился 1 миллион великороссов (отношение 6:1). В трех Новороссийских губерниях (Екатеринославской, Херсонской и Таврической) сожительствовали $3\frac{1}{2}$ миллиона малороссов и $1\frac{1}{5}$ мил. великороссов (отношение 3:1). В Предкавказье (губ. Ставропольской и области Кубанской) $2\frac{1}{2}$ миллиона русского населения распределялись между обеими ветвями поровну (отношение 1:1). Во всех перечисленных 10 губерниях и 1 области число малороссов ($18\frac{1}{4}$ мил.) относилось к числу великороссов (почти 4 мил.) как 5:1. Нужно полагать, что за последние 15 лет, при громадной малорусской эмиграции в Азию рядом с торгово-промышленным тяготением Великороссии к Черному морю, указанное выше отношение осталось, по меньшей мере, неизменным. Неизбежное взаимное перебалтывание „кацапов“ с „хохлами“ и многочисленные смешанные браки с „общерусским“ потомством в результате и с гибридными формами речи в домашнем обиходе известны каждому жителю Юга».

«Из кадетов вспомнил об „украинцах“ (в Холмщине) лишь один оратор г. Лучицкий; его речь „была настолько неясна («невыразна»), что производила впечатление произ-

несенной ради приличия“ („для годиться“). Трудовики Булат (литовец) и Петров (великоросс) „дали в своих речах образец симпатий к украинскому народу“ (то есть к украинству). Социал-демократ Покровский (великоросс) также ораторствовал за претензии укр. партии; его товарищ Чхеидзе восклицал о трагической судьбе украинцев в России; вся социал-демократическая фракция объявила, что *украинская национальность*, как и польская, являются в России нациями „порабощенными“. Медвежью услугу оказал украинской партии одессит Никольский (кадет), огласивший в Думе претенциозное письмо проф. М. Грушевского, отрицающее пользу русской культуры для населения Холмщины: письмо это отчасти раскрыло перед Думой чудовищность претензий партии».

«Украинская партия, в оправдание своего существования, своей работы и своих надежд, выдвигает стихийность стремления малороссов к обособленности. Тот же г. Грушевский находит у этого „огромного тридцатимиллионного населения *естественные стремления* к своему самоопределению“; он констатирует „у украинского населения *стихийную привязанность* к своему языку“ и, таким образом, провозглашает „органичность, *стихийную силу* и значение украинских национальных запросов“ и даже отождествляет „нужды и задачи украинства“ (подразумевая укр. движение) с „нуждами и задачами украинского крестьянства“. В том же роде высказывается и „Рада“, уверяющая, напр., будто „воля украинского народа к самостоятельной культурной жизни всегда (?) проявлялась, проявляется и теперь“. „Рада“ твердит, что в настоящее время „национальное возрождение охватило широкие массы украинского народа“. Газета ставит „сознание своего украинского я“ рядом с „сознанием интересов своего края“. Но особенно ценна и показательна для нас угроза опять-таки г. Грушевского, будто „*украинство развивается, благодаря стихийной силе народной жизни независимо от того*, существуют ли «Просвиты» или иные товарищества, *существует ли украинская пресса или нет*“».

«Украинские земли, хотя бы только по Днепру, это один из самых богатых, пахотных в мире, с большими задатками на промышленно-торговое развитие. Великая сплавная река, выгодные пристани на берегу моря облегчают сообщение. А Черное море? Оно соединяет три части мира с собою и в недалеком будущем будет тем, чем было в древние века, то есть одним из самых оживленных центров торговой и культурной жизни на Востоке. С падением Турции и сооружением багдадской железной дороги, через Черное море будет идти одна из главных артерий мирового движения; туда пойдут европейский вывоз, колонизация вглубь Азии и на Индийский океан в восточную Африку. Одним словом, такая Одесса, Николаев, Херсон и устье Дуная без сравнения более ценны для Австрии, чем Солунь».

«Щирый украинец В. Жаботинский, кладущий в свой портфель претензий и защиту европейского национализма, заявляет не без апломба, что „национальная проблема должна занять отныне свое место во главе, в центре, на первом плане российской политической жизни“. Для южнорусского населения восточная фантазия этого публициста рисует целую демократическую идиллию. Мужик, по убеждению г. Жаботинского, все перенесет, все переживет, всех переупреет (переспорит) и постепенно, шаг за шагом, но неудержимо и непобедимо пролезет в города, и то, что теперь считается мужичьим языком, будет в городах через два поколения языком газет, театров, вывесок – и еще больше».

«Оставляя в стороне вопрос о 98 языках, попытаемся взвесить шансы южнорусского сепаратизма (украинского движения).

Движение это за последние 20–25 лет росло в России по мере снятия ограничений с малорусского печатного слова; в последние 6–7 лет, благодаря малой осведомленности

правительства и широких кругов русского общества с сущностью этого движения, с его тактикой и (выражаясь термином проф. Грушевского) „дипломатикой“, оно успело принять довольно значительные размеры и вьет свои гнезда в некоторых сельских школах и кооперативах, в земствах и муниципалитетах, под сенью храмов веры и храмов науки».

«По словам польского историка А. Яблоновского, „после татарского разгрома (1482 год) элемент кривичский и родств. племен, по нынешнему белорусский, начал сильно напирать, наплывать на Юг, где он растворялся в малорусском элементе“. Наплыв этот с течением времени рос, переваривание пришельцев южанами становилось более медленным, и тот же историк констатирует, что „в половине XVI века области нижнего Днепра (dolongo Dniepru), даже за Черкассами, преобладал элемент белорусский“».

«Украинская партия следит ревнивым оком за судьбой малороссов-переселенцев (эмигрантов). Издания львовской „просвиты“ пророчествуют даже о появлении „новых Украин“ в Сибири.

Наша азиатская колонизация увлекает за Урал действительно много малороссов, образующих иногда на новых местах целые малорусские села. Малороссы оселились преимущественно в Томской губ. и областях: Акмолинской, Тургайской, Приморской и Амурской. В Приморской обл. они составляют 54 % населения, в Амурской даже 80 %. Украинская пресса призывает своих адептов вести в Сибири пропаганду украинства и отмечает проявления этой пропаганды во Владивостоке, Никольске Уссурийском и Хабаровске, где в „Хохлацкой слободке“ роль „сознательных украинцев“ ведется ссыльными. В порыве агитации или агитации „Вістник“ предсказывает образование „Дальневосточной Украины у Великого Океана“, а „Рада“ зовет Владивосток „столицей“ этой Украины».

Книга II

Постсоветский реванш губит душу русского человека

И снова жажда лжи

Страстью советской интеллигенции была жажда правды. На самом деле за горбачевской перестройкой ничего не стояло, кроме усталости от советской пропаганды, от примитива марксистско-ленинской государственной идеологии, усталости от этой бесконечной тягомотины рассуждений о «загнивании капитализма» и «преимуществах развитого социализма». И поэтому призыв Солженицына «жить не по лжи» многие из нас воспринимали как освобождение от догм государственной идеологии, как доступ к правде о советской истории, которая на протяжении многих десятилетий находилась под запретом. Но ни мы, жаждущая правды-истины советская интеллигенция, ни наш духовный лидер Александр Солженицын не понимали, что основной источник нашей советской тотальной лжи все же не власть, которая, как нам казалось, не дает нам свободно дышать, а наши собственные русские души. Мы не понимали, что советская система с ее государственным насилием над правдой не просуществовала бы семьдесят лет, если бы не наш глубинный русский страх перед правдой, если бы не наша привычка жить во лжи, радоваться лжи, создавать различного рода красивые мифы. Мы не понимали, не знали в силу нашей советской образованщины, что на самом деле русскому человеку легче умереть с красивой ложью в душе, чем найти в себе мужество и впустить в нее правду о себе и своей стране. Обратите внимание. Никогда не была так крепка всенародная любовь к Сталину, как в наши дни, когда правда о его преступлениях доступна каждому, когда сакрализация вождя и его дел идет снизу, от души, по велению сердца прежде всего новой, молодой России.

Так вот, особенность нашей новой русской эпохи, которая началась уже несколько лет назад и которая заявила о себе в полный голос именно во время зарождения новой, «майдановской» Украины, состоит в том, что жажда красивой лжи снова, полностью и окончательно вытеснила перестроечную, интеллигентскую жажду правды. И совсем не случайно мы, остатки перестроечной интеллигенции, чувствуем себя очень неуютно в новой России. Сегодня страх перед правдой у многих идет прежде всего от нежелания, неспособности увидеть все неизбежные негативные последствия присоединения Крыма к России. Мы никак не можем увидеть то, чему нас учили бабушки в детстве, увидеть то, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. И именно по этой причине наш новый русский обыватель готов согласиться с любой «клиникой», которую ему внушают осатаневшие от проснувшегося наконец патриотизма обозреватели ТВ. Он, новый русский человек, просто жаждет этой мобилизационной лжи, которая спасает его от неприятной для него правды – и о подлинных причинах Майдана, и о негативных, ставших уже сейчас ощутимыми для нас последствиях нынешнего кризиса на Украине. Мало кто сегодня в России хочет слышать о том, что на самом деле консолидация новой украинской нации происходит в основном на антирусской основе, на чувстве национальной обиды, вызванной утратой Крыма. Даже противники Майдана в Одессе говорили мне: «У нас забрали наш украинский Крым». По этой причине из-за страха перед правдой о том, что происходит на самом деле в современной Украине, наш российский зритель готов согласиться с тем, что целых 30 миллионов граждан Украины, мечтающих о сохранении унитарной независимой Украины и признавшие, в конце концов, легитимность новой украинской власти, сплошь и рядом «бандеровцы». В нашем сознании восставшему

Славянску, где живет всего лишь несколько десятков тысяч человек, противостоит огромная, многомиллионная, сплошь бандеровская Украина.

Еще один характерный пример нашей нынешней жажды лжи обо всем, что происходит на Украине. Подавляющая часть зрительской аудитории нашего ТВ знает, что, действительно, восставшие против новой украинской власти Донбасс и Луганск – это не только не весь юго-восток Украины, а всего лишь часть востока Украины. Как известно, и подавляющая часть населения Харьковской, Запорожской, Днепропетровской, Херсонской, Николаевской и даже Одесской областей поддерживают власть, поддерживают идею сохранения унитарной Украины. Многие на юго-востоке хотят только особого статуса для русского языка и экономической и политической децентрализации. Но ложный, расширенный образ восставшей Украины нам нужен, ибо нам очень хочется, чтобы она окончательно распалась. Поражает, что не только аудитория нашего государственного телевидения, но даже разработчики российской политики в отношении Украины не знают, что Новороссия создавалась благодаря переселению, прежде всего этнических украинцев, на новые, отвоеванные у Турции территории. Не знают, что, к примеру, в той же Одесской области этнические украинцы составляют большинство. К слову, разработчики идеи федерализации Украины не учли и тот факт, что подавляющая часть современной украинской интеллигенции не хочет распада страны, не хочет воссоединения с Россией, ибо боится снова оказаться в роли провинциальной, второсортной российской элиты.

Но есть еще и внутренние причины, возрождающие у нас желание снова жить во лжи. Запад, на что рассчитывал наш народ в начале девяностых, нам не помог, и мы, в отличие от бывших социалистических Польши и Чехословакии, так и не сумели решить задачи посткоммунистической модернизации. Отставание от Запада в области высоких технологий не уменьшается, а увеличивается, надежд на дальнейшее увеличение благосостояния людей уже нет, и потому, чтобы успокоить свою душу, мы снова настаиваем на своей цивилизационной исключительности, на том, что западные представления о прогрессе, о благосостоянии для нас не указ. Русская душа просто устала от правды о реальной русской жизни и о наших перспективах, и потому снова укутывает себя в мягкое и пушистое одеяло мифа об особой, великой русской цивилизации. Всенародный патриотический подъем от новой русской победы позволил русскому человеку, правда, на время, забыть о таких неприятных вещах, как наша высокая по европейским меркам преступность, как убивающие русский народ алкоголизм и наркомания, как продолжающаяся уже два десятилетия война на Северном Кавказе, как наше удручающее социальное неравенство.

Все с нами просто. На место немцев-«фашистов» в современное русское сознание вошли украинцы-«бандеровцы», противники нашего русского мифа о федеративной Украине, и теперь нам уже не только не жалко украинской крови, а, напротив, во имя сохранения нынешних российских представлений об украинской власти как преступной хунте, многим у нас очень хочется, чтобы они убили как можно больше людей. Дай бог, чтобы я ошибался.

И это еще один пример, подтверждающий, что за страхом перед неприятной для многих из нас правдой о подлинных причинах Майдана стоит еще и моральная неразвитость. Многие из современных русских, при всех разговорах о братстве русских и украинцев, не воспринимают украинцев как равных себе в политическом отношении, не способны хотя бы на секунду поставить себя на их место, признать за ними право самим решать свою судьбу. *Мне вообще в последнее время кажется, что нам, остаткам хрущевской «шестидесятичной» молодежи, с нашим, неизвестно откуда появившимся гуманизмом, вообще не место в новой России.* Правда, наверное, состоит в том, что Майдан 2013 года сформировал не только новую украинскую нацию, но и новую русскую нацию, где появившийся наконец патриотизм сочетается с непомерным, кстати, нехарактерным для русских национальным эгоизмом. Раньше советский человек был убежден, что позволено все, что служит победе

коммунизма. А теперь многие, и прежде всего молодые, считают, что позволено все, что служит интересам российской государственности. Я обратил внимание, что почти все те, кто говорил мне о необходимости вводить русские войска в Донецк и Луганск, являются неосталинистами. И это говорит о многом.

Этот новый национальный эгоизм как бы ослепляет людей. Они не могут увидеть очевидного, не могут увидеть, что после того, как Россия присоединила к себе Крым, украинцы чувствуют себя обиженными. Многие из нас не могут увидеть, что для Запада, который пережил две мировые войны, произошедшее – пересмотр границ, присоединение Россией территории другого государства – воспринимается как откровенный вызов. Честно говоря, только идиот мог ожидать восторга Запада по поводу присоединения Россией к себе де-юре уже шестьдесят лет украинского Крыма. То, что для нас объективно является восстановлением исторической справедливости, для Запада является отказом от закона, от принятых когда-то Россией договоренностей. И слава богу, что эта западная реакция на произошедшее носит для нас все-таки щадящий характер, что у нас существует геополитическая альтернатива. Хотя есть что-то наивное и столь же детское в наших надеждах, что на этот раз нам Китай поможет. И это еще один пример того, что мы живем не столько разумом, сколько мифами и иллюзиями. Меня, честно говоря, пугает, что люди, отдающие себе отчет в несопоставимости нашего довольно слабого научно-технического потенциала с потенциалом объединенного Запада, все-таки советуют Путину идти до конца «крымским» путем и «подтверждать величие и державность новой России» путем постоянной территориальной и политической экспансии.

Трагедия, на мой взгляд, состоит в том, что этот рожденный всплеском нового урапатриотизма абсурд – всерьез и надолго. Русская душа, как выясняется, устала просто так жить, работать, строить, воспитывать детей, совершенствовать себя морально и духовно. Прошло всего двадцать с небольшим лет после распада СССР и революции 1991 года, и русской душе снова стало скучно, она снова жаждет бури и рвется в последний решающий бой с «американским гегемонизмом». Но на самом деле это бой с самим собой, с надеждами сохранить Россию в современном мире. К сожалению, сегодня это мало кто видит, мало кто понимает. Обратите внимание. *На наших глазах всего за несколько месяцев визгливый и агрессивный либерализм, жаждущий нового русского бунта, сменился столь же визгливым и агрессивным патриотизмом, который жаждет войны, конфликтов.* И, честно говоря, я уже не знаю, что опасней для современной России: или либеральная жажда новой русской революции, или патриотическая жажда геополитических потрясений.

На мой взгляд, для будущего России представляет угрозу и тот факт, что даже у той части интеллигенции, которая питала и питает отвращение к «навальщине», новая идеологическая ситуация с ее откровенным примитивизмом мышления вызывает уныние. Опасно потому, что эта часть интеллигенции снова уходит в себя и не готова к активному сотрудничеству с властью во имя России. Вообще стабильность, которая поддерживается многочисленными запретами на правду, держится благодаря игнорированию позиций тех, кто мыслит иначе, чем нынешнее взвинченное и озлобленное патриотическое большинство, является очень хрупкой. Пугает, что в последние месяцы инициатива законодательской деятельности оказалась в руках не очень мудрых, не очень образованных, не очень погруженных умом и душой в русскую историю политиков. Неужели непонятно, что попытки на законодательном уровне определить, какой русский патриотизм является подлинным, а какой неподлинным, отдадут «клиникой». Говорю об этом как человек, отдавший много лет своей жизни изучению русского патриотизма. Не меньшим идиотизмом являются попытки превратить государственную идеологию в какой-то вариант славянофильского антизападничества. Николай Бердяев якобы стал популярным в России, но на самом деле его никто не знает и не читает. Он, Николай Бердяев, не только одним из первых обнаружил то, о чем я говорил выше, что

запрос на ложь в России идет прежде всего снизу, но и то, что самым унижительным и опасным для России является ложь о нашем якобы исходном моральном превосходстве над Западом. Да, именно Бердяев еще в 1918 году, наблюдая за энтузиазмом, рожденным нашей большевистской революцией, сказал, что все наши беды от тех, кто «утверждал, что русский народ выше европейской цивилизации, что закон цивилизации для нас не указ, что европейская цивилизация слишком „буржуазна“ для русских, что русские призваны осуществить Царство Божие на Земле, царство высшей правды и справедливости». Все эти опасные патристические мифы порождены, как настаивал Бердяев, нашим русским страхом перед правдой о себе, порождены «малодушием и бессилием русских мыслящих людей, боязнь возложить на себя ответственность и самим решить, где истина и правда». И теперь, спустя сто лет, мы опять возвращаемся к идеологии и мифам, которые, как считал Бердяев, всегда препятствовали нашему цивилизационному, моральному и духовному развитию. Правда, сегодня у нас наши «мыслящие» политики уже не могут придумать новых мифов, а потому просто находят способы поставить всяческие препятствия на пути поиска истины и правды.

Я, честно говоря, поражаюсь мужеству Путина, который, в конце концов, поддержал инициативу бывшего прокурора Ирины Яровой и подписал так называемый закон об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма. Ведь, не дай бог, власть в стране окажется в руках Ирины Яровой, и она его, Путина, засудит за то, что он, согласно ее святому и патристическому мнению, «распространяет заведомо ложные сведения о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». Все зависит от того, как она, Яровая, будет трактовать заявления Путина о репрессиях НКВД против крымских татар именно во время войны, в мае 1944 года. Ведь Путин всего несколько дней назад на встрече с лидерами крымских татар сказал то же самое, что говорил о преступлениях против человечности, совершенных нашим НКВД в годы войны, Леонид Гозман, чем и вызвал гнев нашей новой патристической общественности. Цитирую дословно Путина: «Войсками НКВД была проведена бесчеловечная акция – выселен целый народ из Крыма».

И я думаю, что если мы хоть немного заботимся о нашей главной безопасности, о нашей интеллектуальной безопасности, о сохранении нашей способности думать, то пора кончать с этим слепым ура-патриотизмом, который может довести нас до беды. Повторяю, что запрет на правду, идущий сегодня снизу, для духовного здоровья нации куда более опасен, чем ложь, навязываемая обществу властью, как в советское время. Раньше была надежда, что умрет система, посадившая правду в тюрьму, и русская мысль снова окажется на свободе. А что будет с нами, если нынешний запрос на ложь, идущий снизу, будет всерьез и надолго? Не следует забывать, что СССР со всеми своими танками, со всеми своими ракетами, со всем своим геополитическим могуществом погиб не только потому, что он никогда не умел прокормить свой народ, но и потому, что в критические минуты истории у него оказался серьезный дефицит на мозги. Вообще я бы советовал нынешним политикам, министрам перед тем, как они выступают перед народом, хоть немного подумать. Как-то не к лицу успешному и очень довольному жизнью Дмитрию Рогозину призывать наш измученный и советским дефицитом, и демократическим неравенством русский народ снова затянуть пояса во имя его бредовых в нынешней ситуации планов. Не зовите русских людей на Марс, дайте им в конце концов хоть раз в истории возможность нормально прожить на своей земле свою собственную жизнь. Я не знаю, честно говоря, с чего начинать оздоровление нашей нынешней интеллектуальной ситуации. Но убежден, что, если деградация нашей политической, общественной и, самое главное, народной мысли будет продолжаться и дальше, то мы долго не просуществоваем. На этот раз долго жить во лжи нам не удастся.

НГ, 20.06.2014

О соблазнах постсоветского реванша

Русского мира больше нет, а мы все настаиваем на его приоритетности

«Русская идея» с диагнозом «аутизм»

Летают души российских добровольцев, погибших в Донбассе, над растрескавшимися от жары полями и продолжают мучить себя вопросами, на которые они не нашли ответа еще при жизни, накануне своей гибели. Останки их тел в цинковых гробах под номером 200 уже давно отправили семьям домой, а их неприкаянные души никак не могут расстаться с землей, по которой они ходили в последние часы своей жизни. И действительно, зачем эти русские мужики, как правило, из российской провинции, оказались здесь, во имя чего отдали свои жизни? Ведь нет никаких гарантий, что Бог им простит добровольное участие в братоубийственной войне, охоту за неопытными «укропами», которые так и не научились держать автомат в руках. На различного рода встречах ветеранов, которые в последнее время проходили в воинских частях, вернувшиеся живыми и невредимыми с Донбасса ополченцы рассказывают, что так называемая «антитеррористическая операция» на Востоке Украины очень напоминает нашу первую антитеррористическую операцию в Чечне в конце 1994-го – начале 1995 годов. Разница состоит только в том, что наши добровольцы, прошедшие через войны на Северном Кавказе, а некоторые даже через Афганистан, теперь оказались в роли своих бывших врагов – боевиков-чеченцев, а армия независимой Украины – в роли необученных солдат Грачева, пошедших 31 декабря 1994 года брать Грозный.

Де-факто гражданская война на Украине, спровоцированная прежде всего вторым Майданом, а более точно – отказом Януковича под давлением Москвы подписать в Вильнюсе в ноябре 2013 года подготовленный прежде всего по его инициативе договор об экономической ассоциации Украины с ЕС, уже давно превратилась в русско-украинскую войну. О десятках русских добровольцев, гибнущих на Востоке Украины, пишет не только либеральная «Новая газета», но и орган патриотического «Изборского клуба» газета «Завтра». Правда о цинковых гробах, пересекающих границу Украины в сторону Ростова, кочует уже по всей России. Наши пограничники, как рассказывают их родственники, уже морально устали от созерцания человеческой цены наших новых русских побед. Не всех вывозят в цинковых гробах, не всех забирают родственники. А потому для остальных – простая яма, наскоро засыпанная землей.

Руководитель русской общины Украины К. В. Шуров, участвовавший в ситуационном анализе, посвященном кризису на Украине, который проводил наш Институт экономики РАН 10 сентября, как бы отвечая на вопросы, терзающие души ушедших в мир иной в Донбассе добровольцев, сказал, что те (по его словам, 5–6 тысяч добровольцев из России), которые пришли воевать и умирать за русский Донбасс, являются героями, ибо они пришли на «фашистскую Украину» спасти «русский мир», «русскую идею», пришли доказать, что идея «нэзалэжной Украины» была изначально ложным и вредным «проектом». И, несмотря на то, что руководитель русской общины Украины обвинял нынешнее украинское правительство в том же, в чем его обвиняют разработчики нынешней политики России в отношении Украины, к примеру, Сергей Глазьев, в том, что якобы «украинские националисты... уже трансформировали украинское государство в фашистское государство со всеми признаками фашизма, известными науке», он все-таки был против ввода российских войск на Украину, а настаивал на том, что украинский проект умрет только тогда, когда его задушит собственными руками население Украины. А гражданин России, сотрудник Института экономики РАН, генерал в отставке Владимир, напротив, настаивал, что украинскую проблему можно

решить только военным путем, путем похода на Киев, а дальше на запад, на Львов, чтобы окончательно «задавить фашистскую гадину в ее логове». Обращает на себя внимание убеждение генерала Владимирова, что кризисы, подобные нынешнему украинскому, решаются только военным путем и только через кровь. И так считают многие в нынешней России.

Когда я слышу подобные речи, у меня складывается впечатление, что мутность сознания многих наших нынешних «спасителей русского мира» достигла полной, пугающей черноты. Их глаза светятся безумием, когда они в истерике призывают «идти на Киев», а потом до конца наступать на горло «западной гадине». В современной России миллионы людей полностью утратили инстинкт самосохранения.

И, честно говоря, чем больше я слушал рассуждения о противостоянии «русского мира» с «фашистской» идеей «украинской нэзалэжности», тем больше у меня крепло убеждение, что наши добровольцы в Донбассе погибают не за правое дело, а за так и не преодоленные советские мифы, за так и не преодоленную советскую образованщину. Наша политика в отношении Украины, *на мой взгляд*, от начала до конца – продукт лености ума, русского «авось» и нашего неумения совладать со своими эмоциями и непомерными амбициями. И слава богу, что в последнюю неделю в результате перемирия не выросло количество русских душ, обреченных вечно страдать в аду от наших болезненных русских амбиций.

Идея «нэзалэжности» всегда была антирусской идеей

Нечего обвинять нынешнюю Украину в том, что она изменила русскому миру и решила уходить в объятия «загнивающего Запада». Нэзалэжность как идея, как мечта спустя века создать наконец свое собственное национальное государство, всегда предполагала независимость прежде всего от России, всегда предполагала сознание того, что основная опасность для независимой Украины будет исходить от России. Руководители нынешней Украины не говорят о целях укрепления своей государственности ничего такого, чего не говорили бы на эту тему руководители независимой Украины 1918–1920 годов, тот же академик Вернадский, говорили в то время, когда еще не было фашизма как идеологии. Ни в чем так не проявляется страх перед правдой разработчиков нынешней политики в отношении Украины, того же С. Глазьева (я цитировал его статью «Сохранить русский мир», опубликованную в газете «Завтра», № 36, сентябрь 2014 года), как в попытках связать (уже после присоединения Крыма к России) откровенно антироссийскую политику руководителей нынешней Украины с фашистской идеологией. За всеми нашими нынешними разговорами о фашизме стоит агрессия нашего советского невежества во всем, что касается истории XX века. Между исходным фашизмом, фашизмом Муссолини как радикальным национализмом, и национал-социализмом существует качественная разница. В фашизме Муссолини, который был прежде всего консервативным ответом на большевизацию Италии (и в этом смысле фашизм был порожден ленинским Октябрем) не было человеконенавистнического расизма, болезненного антисемитизма, определяющего сущность национал-социализма Гитлера. Многие на Украине, как и на других оккупированных немцами территориях, сотрудничали с немцами не в силу своих идеологических убеждений, а просто из-за обид, рожденных сталинскими репрессиями. А в сознании нынешних необразованных россиян все смешалось в кучу, и для них любой украинец прозападной ориентации уже фашист. Бред. Но послекрымская Россия все больше и больше погружается в море абсурда.

Наши русские разговоры о фашизме нынешних руководителей Украины – от желания скрыть неприятные для честолюбия наших политиков факты, и прежде всего тот факт, что наша ставка на федерализацию Украины была ошибкой, что своей политикой, вместо раскола Украины, мы получили консолидацию подавляющей части населения Украины вокруг

власти, которая, кстати, по нашему примеру пытается военным способом восстановить территориальную целостность страны. Киев со своим АТО точь-в-точь повторяет то, что мы делали во время трех войн с Чечней.

От страха перед неприятной для нашего самолюбия правдой – обида, злоба, желание всяческих бед украинцам, которые напоминают нам, что российская политическая элита как жила мифами, так и продолжает ими жить. Все напоминает басню Крылова о волке и ягненке. Мы корим украинцев за то, что они сегодня слабые, что они не в состоянии постоять сами за себя, не в состоянии сохранить территориальную целостность своего государства. А представьте себе, что бы произошло, если бы в марте 2014 года на всю украинскую армию нашелся хотя бы один батальон, который начал бы сопротивляться нашему новому «покорению Крыма». Ведь все было на волоске, но, слава Богу, пронесло.

Академику Сергею Глазьеву надо знать, что фашизм как национал-социализм все же был левой, антибуржуазной, антилиберальной идеологией, проповедовал вражду к буржуазному праву, буржуазным свободам. А особенность идеологии нынешних руководителей Украины как раз и состоит в том, что они исповедуют ценности демократии, свободы личности, чем и вызывают симпатии у лидеров современного Запада. Если уж говорить всерьез о природе нынешнего конфликта на Украине, который, несомненно, приобрел черты гражданской войны, то он носит на самом деле не этнический характер, не является тем более расовым конфликтом, а, напротив, сугубо мировоззренческим конфликтом. Наше телевидение, за исключением канала «Мир», не говорит правду, не говорит о том, что на якобы русском Донбассе почти две трети населения, то есть абсолютное большинство, составляют русскоговорящие этнические украинцы и что их отталкивает нынешний Киев прежде всего своим откровенным антисоветизмом, своими откровенно прозападными настроениями. Основу ополчения на Донбассе составляют не просто прорусские, а прежде всего просоветские люди, которым дороги памятники Ленину, – мужчины в возрасте от 30 аж до 70 лет. А добровольцами, пришедшими воевать за территориальную целостность Украины, являются прежде всего молодые люди от 20 до 30 лет, сформировавшиеся уже в условиях «нэзалэжной Украины» и аплодирующие тем, кто сносит памятники Ленину. На самом деле нынешняя Украина не столько этническое государство, сколько второе, последовательное антисоветское русское государство. Украинизация на самом деле дальше и больше невозможна. И командиры проукраинских батальонов, которые формировались на Востоке Украины, и их бойцы, как и ополченцы ДНР, говорят прежде всего на русском языке. Телевидение современной Украины на телеканале «1 + 1» рассказывает о военных преступлениях советской армии на территории современной Украины в годы Великой Отечественной войны. Для старшего поколения Донбасса, как и для старшего поколения современной России, для всех тех, кто пострадал от реформ девяностых, напротив, свято все то, что связано с СССР и советским строем.

Злоба, откровенная ненависть нашей политической элиты к современной, уже окончательно прозападной и проамериканской Украине идет во многом еще от того, что второй Майдан полностью и окончательно разрушил советский миф о русских и украинцах как о братских народах. Выяснилось, что братских народов быть не может, что если русские и украинцы не слились в одну нацию за триста с лишним лет, то они все же по психологии, ценностям разные народы.

Вся наша украинская политика на протяжении более двадцати лет, даже после первого Майдана, после прихода к власти Ющенко, кстати, впервые канонизировавшего Бандеру как национального героя (тогда в России никто не говорил, что к власти в Киеве пришли фашисты), строилась на мифе, на убеждении, что антирусской, стремящейся дистанцироваться от России, является лишь западная, униатская Украина, а вся остальная Украина, не только

бывшая Новороссия, но и левобережная, центральная и даже правобережная Украина тяготеют к России, являются по природе прорусскими.

А тут выяснилось, что наше «принуждение» Януковича не подписывать договор об ассоциации с Евросоюзом, принуждение, подкрепленное угрозами Проханова на «России-24» вернуть себе в крайнем случае Крым, вызвало широкий протест прежде всего у киевской интеллигенции и украинской студенческой молодежи, выяснилось, что многие в Украине не хотят в объятия Таможенного союза, не хотят какой-либо интеграции с Россией, и прежде всего подавляющая часть уже новой украинской элиты. Благодаря второму Майдану выяснилось, что прозападный, а тем самым антирусский вектор развития Украины приобретает силу, что при подобных настроениях Украина рано или поздно придет в НАТО. И, самое главное, стало до боли зримо, благодаря репортажам «Дождя» с Майдана, что украинцы и русские – не «разделенные» случайно народы, о чем любил говорить Путин, а народы, стремящиеся после веков совместной жизни сами определять свою судьбу и, наконец, разойтись. И чем больше становилась очевидной глубинная, национальная, историческая природа антирусских настроений, тем больше наши СМИ стали нажимать на «фашистскую» природу идеи «незалежности». Отсюда и стремление наших руководителей наказать Украину за измену «русскому миру», наказать за собственные русские, прежде всего советские иллюзии, русские просчеты. Украинцы оказались виновными в советском невежестве и советской образованщине российских политиков, в том, что новая Россия никогда не принимала во внимание глубинные истоки так называемой «мазеповщины», которую славил даже Кучма в своей книге «Почему Украина не Россия», не принимала во внимание фундаментальные различия между великорусской и малороссийской идентичностью, объективную, историческую природу украинской прозападной ориентации. Все же они, украинцы, четыреста лет жили и развивались в литовско-польском мире. Мы не принимали во внимание первый «развод» между украинцами и русскими в годы гражданской войны. *Украинцы оказались ответственными за то, что наше посольство и наша ФСБ не обратили внимание на то, что политическая инициатива на Украине переходит к детям новой, уже независимой от России Украины, что на самом деле (о чем начали говорить украинские политологи уже добрых десять лет назад) точка невозврата бывшей УССР в общую Россию уже пройдена.*

Историческая драма состоит в том, что русские люди решили умирать за возрождение русского мира тогда, когда он на самом деле уже окончательно умер. «Народный губернатор» Донецка Павел Губарев посылает ополченцев и добровольцев умирать за «возрождение настоящего русского мира во всей полноте и красе», мечтая совершить то, что на самом деле можно было совершить еще в 1991 году, но уже невозможно совершить после присоединения Крыма к России и братоубийственной войны на Востоке Украины, после того, как украинская нация окончательно сформировалась как антирусская нация, как нация, навсегда обиженная Россией, как нация, дети которой умирали от пуль ветеранов спецназа РФ.

Трагедия состоит в том, что граждане РФ, пришедшие действительно в силу своих убеждений, по зову своего сердца умирать за русскую идею, каждой своей победой, гибелью каждого убитого ими «укропа» убивают остатки надежды на возрождение русского мира и даже на мирное сосуществование когда-то действительно близких друг другу народов. А где гарантии, что не повторится 1991 год, что РФ не начнет распадаться и украинцы не начнут восстанавливать «историческую справедливость»? Ведь Севастополь – город не только русской, но и украинской славы, славы матроса Кошки.

Но наши политики, формирующие сейчас политику России в отношении Украины, и лидеры самопровозглашенных республик Востока Украины не принимают во внимание, что понятие «Россия» и понятие «русский мир», о чем напоминал Николай Бердяев еще в 1918 году, когда и «малороссийский сепаратизм», и «великорусский сепаратизм» начали разрывать на куски когда-то могущественную, единую и неделимую Россию, имеют смысл

только применительно к союзу русских племен, союзу великороссов, малороссов и белорусов. Великороссия сама по себе, настаивал Николай Бердяев, не является Россией, а лишь ее бывшим ядром. Но после того как РФ сама, по собственной воле спровоцировала в 1991 году распад русского мира, вытолкнула из него и УССР, и БССР, и тем более после того, как Украина, и снова не без нашей помощи, ушла, спустя три с половиной века, в западный мир, русский мир в точном смысле этого слова умер. Трогательное единение, начиная с первого Майдана, польской и украинской политической элиты – наглядное подтверждение тому, что Украина возвращается туда, где она веками жила после гибели Киевской Руси.

На самом деле нынешняя РФ не имеет никаких прав учить другие русские народы, то есть украинцев и белорусов, как жить и с кем дружить, *ибо она является не только продуктом распада СССР, но и инициатором распада русского мира*. Сейчас все в России забыли, что политическая элита УССР, в отличие от политической элиты РСФСР, дольше всех, до 24 августа 1991 года боялась объявить о независимости своей республики. И только тогда, когда Ельцин 23 августа 1991 года объявил о юрисдикции РСФСР над союзной собственностью, находящейся на ее территории, депутаты украинской Рады осмелились и, по инициативе Олеса Гончара, внесли жовто-блакитное знамя в зал заседаний Рады. Так это было. Русский мир погиб в августе 1991 года, и прикончили его прежде всего те, кто называет себя сегодня русскими.

Ожесточенная критика Украины, откровенная ненависть и злоба нынешней российской политической элиты и части населения к Украине, на мой взгляд, имеет иррациональное происхождение и связана, как я пытался показать, со стремлением заморозить, забыть тот стыдный факт, что именно нынешние русские (до 1917 года они назывались великороссами) сами, собственными руками убили в 1991 году русский мир. Нынешние критики «украинских фашистов», как правило, в 1991 году были сторонниками Ельцина, сторонниками суверенитета РСФСР. Тогда, в 1991 году, их не интересовала ни судьба Севастополя и Крыма, ни судьба русского мира, они это признают и помнят, но оправдывают себя тем, что они тогда действовали «по пьяни».

Истерика по поводу «украинского фашистского государства», взрыв ненависти к тем, кого еще год назад они называли своими «братьями», идет не только от нежелания осознать свою личную ответственность не просто за ошибки, совершенные, как сейчас любят говорить бывшие поклонники Ельцина, «по пьяни», но и за поступки и решения, напоминающие о том, что русские как внизу, так и наверху лишены инстинкта самосохранения. И не важно, чем продиктованы эти акты саморазрушения – или жаждой халявы, куска помещичьей земли, как в 1917 году, или жаждой и халявы, и власти, как в 1991 году, или просто оскорбленным самолюбием, желанием отомстить обидчику, как это было весной и летом 2014 года. На мой лично взгляд, наша традиционная русская неразвитость инстинкта самосохранения как раз и проявилась в нашей установке всеми силами и всеми способами поддерживать федерализацию Украины, а на самом деле – ее распад.

Своими нынешними модными разговорами о «великом Октябре», о нашей особой русской цивилизации мы уходим от той правды о том, как писал тот же Николай Бердяев, что именно великороссы, русские оказались народом, который не просто пошел прежде всего за большевиками, а сам, своими собственными руками разрушил русский мир, посягнув на русские святыни, на русскую веру. «Такого отречения от собственной истории, – писал Николай Бердяев, – такой измены великим историческим заветам не было никогда и нигде. Это – самоубийство народа, отказ его от великого прошлого и великого будущего во имя корысти данного мгновения».

А сегодня истерика по поводу «украинского фашизма» идет от нежелания признать, что русские второй раз в XX веке, а именно в 1991 году, во имя очередной «корысти данного мгновения» снова отказались от «дела всей русской истории», от дела «собирания России

с Ивана Калиты», чтобы не «кормить больше украинцев и белорусов, чтобы самим пользоваться богатствами Сибири». Мы не хотим признать и осознать, что нынешний уход Украины в западный мир был спровоцирован русским желанием во что бы то ни стало создать суверенную РСФСР, выйти из состава СССР, что на самом деле мы пожинаем горькие сейчас для нас плоды нашей привычки жить радостью мгновения.

Всеразрушающая сила соблазнов русского реванша

И трагедия состоит в том, что нынешние попытки исправить и «ошибки Хрущева», и «ошибки Ельцина» работают уже не на укрепление остатков русского мира, укрепление уже московского мира, а на его окончательное разрушение. Ошибаются все те, кто сейчас говорит, что все же наши добровольцы погибают на Донбассе не напрасно, что, разрушая нынешнюю Украину, они тем самым жертвуют собой во имя безопасности своей страны, ибо чем более слабой и более раздрыганной уйдет Украина в НАТО, тем меньше угроз на наших границах. Но ведь на самом деле, если напрячь свои мозги и начать думать, то все происходит прямо противоположным образом. Чем будет слабее Украина, тем больше она будет зависеть от Запада, от США, и тем больше у НАТО оснований строить базы на слабой и «незащищенной от России Украине».

Националистическая истерика последних дней, реставрация оборонной психологии с ее поиском врагов, призывы идти на Киев и задушить украинских фашистов в их собственном логове идут уже от новых страхов, от нежелания увидеть, чем обернулась для новой России политика реванша, расширения русского мира последних месяцев. Благодаря нашей «мудрой» украинской политике прежде всего окончательно сформировалась новая украинская нация как антирусская нация. Раньше украинский национализм питался воспоминаниями о муках крепостного права, введенного в 1770 году Екатериной II на Украине, воспоминаниями о сталинском голодоморе 1932–1933 годов. Теперь уже новая украинская нация будет питать антирусские настроения обидой за «отнятый Крым», воспоминаниями о крови своих сыновей, погибших от рук прорусских сепаратистов и просто русских добровольцев. К счастью, сейчас антирусские настроения проявляются прежде всего как антипутинские настроения. Но еще несколько «побед русского оружия» на Востоке Украины, и антирусские настроения получат чисто этническое звучание. Я думаю, что все же поход на Киев, к которому призывают наши генералы-отставники, не состоится. Косвенная, а иногда и откровенная поддержка Украинской православной церкви Московского патриархата пророссийского сепаратизма уже обернулась переходом многих ее прихожан (прежде всего в правобережной Украине) в антироссийскую Украинскую автокефальную церковь Филарета. И это еще один пример того, как нынешняя наша борьба за «русский мир» оборачивается утратой духовного влияния России на нынешнюю даже православную Украину. Еще один пример, как русские сами убивают свой русский, на этот раз православный мир.

Каждая наша новая победа на пути «расширения русского мира», как и следовало ожидать, ведет к консолидации на антироссийской основе наших стратегических конкурентов. Благодаря нашим «победам» на Украине произошла консолидация США и Западной Европы на антирусской основе, появилась возможность морально оправдать свою прежнюю политику продвижения НАТО на Восток в глазах общественности Запада. США от прежней политики аккуратного «сдерживания России» перешли к откровенной политике разрушения экономического потенциала России, ее постепенной экономической деградации. Теперь, после присоединения Крыма к России, уже не надо доказывать руководителям бывших советских республик, что единственным гарантом их территориальной целостности является членство в НАТО. Своей украинской политикой мы явно ускорили вхождение Грузии в НАТО. Обращает на себя внимание, что участие Казахстана в Таможенном союзе не мешает Назарба-

еву интенсифицировать в последние дни реальную интеграцию своей экономики в Европу. И т. д. и т. п. И самое опасное, что об очевидных негативных последствиях русских побед на Украине начинает говорить раздраженный ростом цен обычный русский человек. Как-то незаметно для нас начинают разрушаться социально-психологические основы с таким трудом достигнутой в «нулевые» стабильности.

Меня тревожат уже не отдельные факты, напоминающие о стратегических издержках нашей нынешней борьбы за «расширение русского мира», издержках нашего решения бросить вызов сложившемуся после 1991 года миропорядку, а утрата способности видеть, осознавать крайне опасные перемены в нашей русской жизни, грозящие основам нынешнего, все же благополучного бытия. Мало кого сейчас в России волнует тот факт, что в Донбассе во имя очередной мгновенной популистской корысти, ни за что ни про что погибают наши современники, ставшие жертвами нашей зубодробительной пропаганды ненависти к Украине и украинцам, что страдают уже тысячи матерей, отцов, жен, потерявших на Востоке Украины своих близких. Мы поразительно равнодушны к горю матерей украинских солдат, погибших из-за нашего желания во что бы то ни стало сделать как можно разрушительнее, болезненнее попытки Киева добиться того, чего мы добивались в Чечне, на Северном Кавказе, то есть восстановить территориальную целостность страны, которая им по счастливому случаю досталась от распада СССР. Наша нынешняя эйфория по поводу возвращения домой Крыма и побед ополченцев над украинской армией очень напоминает эйфорию России марта 1917 года по поводу свержения самодержавия. Мы, как и наши предки в 1917 году, не чувствуем, не понимаем, что может быть хуже, чем было раньше, что уютная, предсказуемая докрымская путинская Россия рухнет на наших глазах, а ее будущее окутывает туман полной неопределенности. Но чтобы с нами ни произошло, никогда уже не найдут смысл и оправдание своей преждевременной смерти те, чьи души все еще летают над степями опустошенного и разрушенного во имя «русской идеи» Востока Украины.

НГ, 16.09.2014

Не может быть внешнего могущества без внутреннего

О непреодоленных иллюзиях постсоветской интеграции

«Мы, казахи, до последней капли крови будем защищать данную нам Богом независимость». Эта ключевая фраза Нурсултана Назарбаева из его речи на торжественном собрании, посвященном Дню независимости 16 декабря, как и весь его доклад, была произнесена на русском языке. Кстати, обращает на себя внимание, что никогда раньше на подобного рода торжественных собраниях, то есть в докрымскую эпоху, Нурсултан Назарбаев не упоминал о якобы многовековых традициях, 550-летних, независимости своей страны, не говорил о государственной независимости Казахстана как о главной ценности народа.

Я начал свою статью с упоминания речи Нурсултана Назарбаева 16 декабря в Астане для того, чтобы обратить внимание читателя на очевидное, с чем, кстати, до сих пор не считается руководство посткоммунистической России, обратить внимание на то, что сам по себе факт сохранения русского языка, даже в качестве государственного, в странах СНГ ни в коей мере не ослабляет центробежные силы, то есть «бег от России», спровоцированный распадом СССР. На самом деле, несмотря на огромные усилия нынешней российской власти заново интегрировать постсоветское пространство, бывшие советские республики мечтают только о том, чтобы укрепить свою независимость, и прежде всего от РФ. Нынешнему руководству РФ, примером чему является статья Дмитрия Медведева в НГ «Россия и Украина: жизнь по новым правилам» (15.12.2014), до сих пор почему-то представляется противоестественным тот факт, что сегодня в бывшей УССР, которую по инерции мы более двадцати лет называли «братской республикой», люди, как он пишет, «живущие под лозунгом „Украина – не Россия“, продолжают говорить на русском языке». Но ведь Украина потому и стала в 1991 году независимой, чтобы не быть Россией. Кстати, тогда за независимость Украины проголосовало и почти 80 процентов русских, живших в этой республике. И 80 процентов населения юго-востока Украины, и прежде всего Донбасса, тогда голосовали за то, чтобы Украина не была Россией. Наша политическая элита до сих пор не может понять, что до сих пор сохраняющаяся общность языка, религии и даже общность культуры прошлого (речь идет о бывших славянских республиках СССР) не были и не являются препятствием для продолжения курса на укрепление суверенитета и независимости. Мы никак не можем понять, что само по себе использование русского языка ничего не говорит об отношении его носителя к русским ценностям так, как их трактуют сегодня в РФ. Большинство командиров украинской армии, осуществляющих так называемую антитеррористическую операцию в Донбассе, говорят на русском языке.

Правда состоит в том, что независимость не только для новой Украины, но и для Белоруссии – это прежде всего независимость от России, это стремление обеспечить условия для проведения независимой и самостоятельной внешней политики, обеспечить условия для резкого крена на Запад, когда он понадобится. Кстати, даже Лукашенко стремится сохранить за собой внешние условия для резкого крена на Запад, когда ему это понадобится. За европейским вектором нынешнего руководства Украины и подавляющей части ее интеллигенции стоит на самом деле не столько выбор «европейских ценностей», сколько страх перед возможным новым поглощением их страны Россией. Не надо особой прозорливости, чтобы увидеть, что присоединение Крыма к России в 2014 году резко усилило эти страхи и тем самым создало дополнительные морально-психологические препятствия для наших интеграционных инициатив. И трагедия состоит в том, что на экономическое сотрудничество бывших советских республик, на различного рода интеграционные инициативы России «мы и они» смотрим разными глазами. Руководство России продолжает верить, что его инициативы по интеграции, к примеру, создание Таможенного союза, Евразийского экономического

союза, будут способствовать идеологическому и политическому сближению его участников. Верит в возможность в той или иной форме исправить катастрофические ошибки 1991 года. И вообще складывается впечатление, что нынешнее руководство России оценивает свою роль в истории нашей страны прежде всего по тому, насколько ему удастся соединить разорванные части СССР. Отсюда, кстати, и советское, во многом мифологическое видение истории взаимоотношений «братских народов», нежелание считаться с тем фактом, что на самом деле никакой единой тысячелетней истории у великороссов, малороссов и литвинов (белорусов) не было, что, к примеру, белорусы вошли в так называемую русскую историю всего лишь 200 лет назад. Кстати, Полоцкое княжество имело собственную государственность, независимую от Киева, собственные законы и т. д. А прошлое руководство Украины, и в лице Кучмы, и в лице Януковича, и нынешнее белорусское руководство, напротив, рассматривают экономический союз с Россией и связанные с ним выгоды только как необходимое условие для сохранения и укрепления своей политической независимости. Если с нашей точки зрения экономика должна вести к политике, то для бывших советских республик политика упрочения независимости стоит превыше всего и диктует экономическую политику. Мы до сих пор, о чем, кстати, свидетельствует упомянутая статья Дмитрия Медведева, не хотим признать тот очевидный факт, что США удастся «диктовать правила Украине» только потому, что она в этом диктате нуждается, что она согласна на любой диктат, который помогает ей стать окончательно независимой от России. Кстати, еще в конце двадцатых годов XX века евразиец Николай Алексеев писал, что «нэзалэжна» Украина после неизбежного распада СССР обязательно превратится в покорного вассала Запада.

Наша беда состоит в том, что постсоветская политическая элита не в состоянии поставить себя на место руководства «братских республик», которое, как видно из упомянутой речи Нурсултана Назарбаева, видит главную цель своей жизни в том, чтобы сохранить на века, по словам Назарбаева, полученную в 1991 году независимость. Мы до сих пор не понимаем, что после того, как, к примеру, Украина и Белоруссия вышли из общей с Россией истории, они вынуждены делать акцент не на том, что объединяло наши народы (на чем делает акцент в своей статье Дмитрий Медведев), а прежде всего на том, что их разъединяло в прошлом и на чем выросла их особенная этническая идентичность, отличная от русских.

Конечно, память о последних общих столетиях, особенно память о совместной жизни в условиях СССР, куда сильнее и прочнее, чем память о пяти столетиях их жизни в рамках Великого княжества Литовского, а затем в Польском государстве. На самом деле памяти о жизни в Западной Руси, когда белорусы назывались «литвинами», а украинцы – «малороссами», нет у подавляющего большинства нынешних украинцев и белорусов. Исключением, конечно, являются прежде всего жители Западной Украины, которые имеют очень короткий (не более сорока лет) опыт совместной жизни, да и то в советской России. И проблема состоит в том, на что я обращаю особенное внимание, что при всех качественных различиях между внешней политикой нынешней Украины, ставшей откровенным вассалом США, и внешней политикой Александра Лукашенко, при котором Белоруссия стала военным союзником России, идеология белорусского суверенитета строится на той же антимосковской, «антимоскальской» матрице, которая лежит в основе идеи украинской «нэзалэжности». И, честно говоря, о чем до сих пор мало кто знает в современной России, у белорусов на самом деле куда больше исторических оснований доказывать независимость своего менталитета от русского. У белорусов не было ни Богдана Хмельницкого, ни Переяславской рады. На самом деле они были присоединены к России насильственно, благодаря трем разделам Польши в конце XVIII века. Более того, многие белорусы были насильственно переведены Екатериной II из униатов назад в православные.

И в этих фактах, на мой взгляд, заключены серьезные идеологические препятствия на пути реальной интеграции постсоветского пространства. Процессы декоммунизации в

Белоруссии не так сильны, как в Украине и даже в России. Но культурная политика нынешнего руководства страны на самом деле направлена на всемерную активизацию особой, белорусской идентичности. Примером тому экспонаты музея истории Белоруссии. Два зала музея отданы под портреты польской шляхты, проявившей «белорусско-литовский патриотизм», здесь же говорится о том, что Белоруссия была сердцевинной Великого княжества Литовского, и она действительно была его сердцевинной. Но в то же время обращает на себя внимание диорама «Петр I сжигает Могилев». Конечно, молодежь Белоруссии не взрывает памятники Ленину, как делают это ее сверстники в современной Украине – в Киеве, Днепрпетровске, Харькове, – но у нее есть свой тихий протест против русского мира. Сотни молодых белорусов в последние годы охотно ездят в Польшу и Литву по различным образовательным программам. В Белоруссии открыто полсотни Домов Польши, белорусская интеллигенция сегодня обращается к Лукашенко с просьбой перевести вузовское преподавание на белорусский язык. Белорусизация Белоруссии происходит ускоренными темпами.

И здесь возникает главный, судьбоносный вопрос, на который мы не имеем сегодня ответа. Если идейно, духовно уход Белоруссии из когда-то общего русского мира, и особенно уход молодежи, будет происходить столь же интенсивно, как сейчас, если на самом деле мы ничего не можем противопоставить инерции распада СССР, то имеют ли смысл наши отчаянные попытки, наши дорогостоящие усилия сохранить, а тем более воссоздать экономические связи между членами ЕвразЭС? Имеет ли смысл экономический союз, если он не имеет политических перспектив, если все его субъекты, за исключением России, являются противниками создания наднациональных структур? Ведь очевидно, что и Лукашенко, и Назарбаев не только сохраняют многовекторную внешнюю политику своих стран, но ее укрепляют. Кстати, в упомянутой выше речи Назарбаев все-таки больше внимания уделил рассказу о совместных проектах своей страны с Китаем, чем анализу перспектив Евразийского союза. На мой взгляд, он сказал о нем только для того, чтобы напомнить о своем несомненном авторстве этой идеи. Но что будет, когда и Назарбаев, и Лукашенко уйдут с политической сцены? На самом деле экономическая составляющая Евразийского союза не выглядит очень впечатляющей. К примеру, экспорт в РФ во внешней торговле Казахстана никогда не был выше 9 %. Обращает на себя внимание, что Лукашенко в последние дни, когда решался вопрос о снятии запрета на ввоз мясной продукции Белоруссии в РФ, вдруг опять заговорил о белорусском суверенитете, о мощи своей армии и т. д.

Мне думается, что настало время нам расстаться со многими иллюзиями, связанными с постсоветской интеграцией. Конечно, государственный союз с Белоруссией нам важен, ибо он обеспечивает нам военную безопасность. Но какой смысл тратить невероятные усилия для интеграции с бывшими советскими республиками, которые не имеют никакого экономического потенциала? Что касается бывших славянских республик СССР, то, наверное, надо расстаться с иллюзиями Бориса Ельцина, что «рано или поздно они сами приползут к нам на коленях». На самом деле мы вряд ли сможем противостоять стремлению бывших славянских республик уйти в тот мир, откуда они к нам пришли, уйти в Европу. Пора осознать тот неприятный факт, что русский мир, несмотря на свои огромные моральные и духовные достижения, который возник в рамках российской империи, уже обречен. А для того, чтобы воссоздать этот русский мир уже на добровольных, неимперских основаниях, наверное, нужно и много времени, и, самое важное, культурное и цивилизационное развитие современной России. Наверное, если бы Российская Федерация сразу, с начала девяностых, строила свои отношения с бывшими УССР и БССР на хозяйственной основе, не жила бы иллюзиями Ельцина, то шансов на новое добровольное объединение русских племен было бы больше.

И самое важное. Пора осознать, особенно сегодня, в условиях надвигающегося экономического кризиса, что в настоящий момент судьба новой России зависит не столько от нашей способности интегрировать постсоветский мир, сколько от сохранения с таким тру-

дом достигнутой стабильности, условий для цивилизованного развития. Надо видеть, что в последние дни субстанциальный, духовный кризис опережает экономический. Веру в будущее России теряют даже нынешние ура-патриоты. Если, как они говорят, «не будет Путина – не будет России», то у них, на самом деле, нет никакой веры ни в свой народ, ни в исторический потенциал своей страны. За попыткой связать будущее страны с одним человеком стоит, на самом деле, национальный нигилизм. Поэтому мне думается, что коренная проблема будущего России заключена в преодолении нынешнего национального пессимизма, настроений страха, апатии, растерянности. И, в конце концов, надо видеть правду: до тех пор, пока, как часто говорят молодые белорусы, на улицах Смоленска больше грязи, чем на улицах Вильнюса и Минска, нам трудно рассчитывать не реальную политическую и духовную интеграцию бывших славянских республик СССР. России пора сделать уроки из прошлого, пора понять, что внешнее геополитическое могущество, которое держится на способности русского человека «затягивать пояс», недолговечно и непрочно.

НГ, 24.12.2014

Идеалы и дела скопцов живы

«Товарищ абсурд» захватывает власть в России

Слава богу, каких-либо зримых следов начавшегося разрушения российской экономики нет. Дыры от разбитых окон и дверей еще не зияют у нас в стенах разрушенных зданий. Напоминаний о катастрофе 1917 года и недавней катастрофе 1991 года пока что нет. Но особенность начавшегося на наших глазах нового кризиса, кризиса уже послекрымской России, состоит в том, что у нее духовный, экзистенциальный распад явно опережает распад экономический, тем более политический. Политическая стабильность сохраняется, заметного влияния западных санкций на уровень жизни людей пока еще нет. Но обвал веры русского человека в будущее России происходит быстрее, чем обвал сложившегося за последние десятилетия достатка.

Почему по темпам девальвации рубля все еще тучная Россия обогнала девальвацию слабенькой украинской гривны? Наши золотовалютные запасы несравненно выше, чем золотовалютные запасы растерзанной войной Украины. Наверное, наша девальвация обогнала украинскую потому, что измученные надвигающейся нищетой украинцы все же больше верят в свое национальное будущее, чем мы, русские, сегодня. Взрыв нашей гордости от того, что Крым вернулся в Россию, странным образом соединяется в сознании многих людей с ожиданием «черных дней». И трагедия состоит в том, что вера в будущее России испаряется прежде всего у так называемого креативного класса, у тех, кто сохранил способность думать, видеть факты такими, какие они есть, соотносить принимаемые нашей властью решения с их очевидными, неизбежными последствиями. Но разве не было понятно, что после присоединения Крыма к России Украина откажется от своего внеблокового статуса и заявит о своем желании вступить в НАТО? Но почему-то мы устраиваем истерику по поводу того, чего уже нельзя избежать после «исторического» поворота апреля 2014 года.

В старой России к лету 1918 года уже многие погибли от голода. Кошмар начавшейся гражданской войны унес уже сотни тысяч жизней, а русские мыслители, издавшие в эти дни свой сборник «Из глубины», все как один заявили о своем историческом оптимизме, о вере в русского человека и том, что рано или поздно Россия освободится от большевиков. С одной стороны у них – описание ужасов разразившейся катастрофы, а с другой стороны – теплые, пронизанные добротой слова о будущей России. «Русский народ низко пал, но в нем сокрыты великие возможности, и ему могут раскрыться великие дали». Эти слова принадлежат Николаю Бердяеву. И у каждого русского мыслителя, теперь мы называем их гениями, бесконечная вера в счастливое посткоммунистическое будущее России была связана с надеждами, что русский человек, вырвавшись из пут туранщины, пойдет на Запад, впустит в свою душу ценность человеческой жизни, идею личности, осознающей себя и свободной, и ответственной за свою судьбу, и, конечно же, «ценность ежедневного труда».

Так вот, меня настораживает тот факт, что особенность уже новой, абсолютно новой, послекрымской России состоит в том, что у нее даже нынешний взрыв патриотизма, гордости за то, что мы не дали себя в обиду «америкосам», как это ни поразительно, не сопровождается ощутимым оптимизмом, ростом веры в будущее России. Не светятся верой в будущее даже глаза тех, кто с утра до вечера, как мантру, повторяет: «А все-таки Крым наш!». И, конечно, меньше всего веры в будущее у тех, кто еще в начале девяностых обращал внимание, что постсоветская Россия слаба, что она, как они говорили, «ничего не может взять из своего прошлого». И меня еще пугает тот факт, что у тех, кто видит признаки надвигающегося кризиса, называет вслух и открыто его причины, кто решается критиковать нашу внешнюю политику, куда больше мыслей в словах, куда сильнее аргументы, чем у тех, кто буквально изрыгает свой агрессивный патриотизм и всячески прокликает Запад и все запад-

ное. Наверное, даже в дни расцвета «черносотенства» патриотизм не был таким мутным, импульсивным и раздражительным, как сейчас.

И, конечно, страшно, что самые умные, образованные, показывающие образцы глубины исследования занялись прежде всего предсказаниями грядущей русской смерти. Страницы массовых изданий никогда не пестрели так часто заголовками типа «Россия – вперед ногами». Для Михаила Эпштейна, который попытался дать анализ причин начавшегося духовного распада России, самый главный герой – Бобок из одноименного рассказа Достоевского, а сама Россия – «лопающийся пузырь последнего вздоха отходящего исторического организма». Даже у нынешних воинственных патриотов наша Россия – тоже на самом деле «отходящий организм». Вдумайтесь в смысл их причитаний по поводу того, что «не будет Путина – не будет России». Если будущее страны целиком связывается со смертной личностью, совсем не молодым человеком, то тогда на самом деле нет никакой веры ни в свой народ, ни в свою национальную тысячелетнюю историю. В начале девяностых, накануне распада СССР все сторонники суверенитета РСФСР, как мантру, повторяли: «А Россия, несмотря ни на что, возродится из пепла». Никогда не забуду, как писатель Леонид Латынин, отец нашей Юлии Латыниной, еще в 1991 году, накануне распада СССР, на своей кухне убеждал меня, что грядущая катастрофа – это благо, ибо, цитирую почти дословно, чем разрушительнее будет распад, тем быстрее новая Россия восстанет из пепла. И тогда у Леонида Латынина глаза действительно горели блеском оптимизма, восторгом по поводу неизбежного грядущего разрушения своей страны. Но теперь те, кто призывает нас идти на решительный бой с Западом, постоять за наши евразийские идеалы, ничего не излучают, кроме какой-то растерянности. Наверное, от страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.